

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

HUMANITARIAN ACCENT
№ 3

Scientific quarterly

Moscow 2024

ISSN 2542-2030

ГУМАНИТАРНЫЙ АКЦЕНТ
№ 3

Ежеквартальный научный журнал

Москва 2024

Редакционный совет

А.Б. Безбородов, д-р ист. наук, проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. наук, проф.

Е.В. Барышева, д-р ист. наук, доц.

Л.Н. Вдовиченко, д-р социол. наук, проф.

Гудрун Ершов (Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия)

Г.Г. Ершова, д-р ист. наук, проф., *В.И. Заботкина*, д-р филол. наук, проф.

Г.И. Зверева, д-р ист. наук, проф., *В.А. Колотаев*, д-р филол. наук, проф.

Н.Л. Лепе, канд. физ.-мат. наук, доц., *С.Ю. Неклюдов*, д-р филол. наук, проф.

О.В. Павленко, д-р ист. наук, проф., *Н.В. Ростиславлева*, д-р ист. наук, проф.

И.С. Смирнов, канд. филол. наук, *А.А. Столяров*, канд. ист. наук, доц.

П.П. Шкаренков, д-р ист. наук, проф.

Редакционная коллегия

Е.А. Долгова, гл. ред., д-р ист. наук, доц.

И.П. Азерникова, канд. ист. наук, доц.

П.А. Алипов, канд. ист. наук, доц., *Ю.Г. Бит-Юнан*, д-р филол. наук, доц.

Н.А. Комочев, канд. ист. наук, доц., *Е.А. Косован*, канд. ист. наук, доц.

И.С. Курилович, канд. филос. наук, ст. науч. сотр.

Н.В. Петров, канд. филол. наук, доц.

Н.А. Филин, д-р ист. наук, доц.

Ответственный за выпуск

И.Н. Косиченко, канд. ист. наук

Ответственный секретарь

Э.С. Сокрутницкий, магистрант, 2-й курс ФАД РГГУ

Содержание

Латинская Америка в политических идеях и политических катаклизмах

Косиченко И.Н.

Латинская Америка в политических идеях и политических
катаклизмах (к выходу пятой латиноамериканской рубрики) . . . 9

Старостина Е.А.

Отражение Американо-мексиканской войны 1846–1848 гг.
в мексиканской либеральной прессе 11

Мусин В.К.

Чилийская трактовка «политического»:
Диего Порталес и Аугусто Пиночет 16

Ляпин В.Ю.

Музыкальное творчество Шику Буарки
как маркер эпохи пост-1968 г. в Бразилии:
травма, апатия и дезавуирование мифологии режима 24

Альмейра Хиль Т.

Молодежь и корни зарождения
аргентинского рока в 1960-е гг. 35

Историография и вспомогательные исторические дисциплины

Иванченко А.В.

Сатирические образы на пасхальных и рождественских
почтовых открытках Первой мировой войны 43

Куценко Е.А.

«Надо, дорогой мой, собраться с силами и сделать нужное
и полезное дело»: письма А.И. Андреева А.Н. Сперанскому
по вопросам дипломатики 53

Бакланов Д.А.

В.Г. Белинский в представлениях американских русистов
конца 1940-х – начала 1960-х гг.: миф внутри мифа? 63

Социальная история советского общества

Катрушенков М.В.

Московский автомобильный завод в контексте
конструирования «нового общества» (1928–1941 гг.) 74

Abstracts 83

Сведения об авторах 88

Contents

Latin America in political ideas and political cataclysms

Kosichenko I.N.

Latin America in political ideas and political cataclysms
(for the fifth Latin American column) 9

Starostina E.A.

Reflection of the American-Mexican war of 1846–1848
in the mexican liberal press 11

Musin V.K.

Chilean interpretation of “Political”:
Diego Portales and Augusto Pinochet 16

Lyapin V.Yu.

Chico Buarqui’s musical work as a marker
of the post-1968 era in Brazil: trauma, apathy
and the disavowal of regime mythology 24

Almeira Gil T.

Youth and the roots of the emergence
of Argentine rock in the 1960s 35

Historiography and auxiliary historical disciplines

Ivanchenko A.V.

Satirical images on Easter and Christmas postcards
of the First World War 43

Kutsenko E.A.

“It is necessary, my dear, to gather strength and do a necessary
and useful thing”: letters of A.I. Andreev to A.N. Speransky
on diplomatic issues 53

Baklanov D.A.

V.G. Belinsky in the views of American-Russian historians
in the late 1940s – early 1960s: the myth within the myth? 63

Social History of the Soviet Society

Katrushenkov M.V.

Moscow Automobile Plant in the context
of constructing the “new society” (1928–1941) 74

Abstracts 83

Data about the authors 88

Латинская Америка в политических идеях и политических катаклизмах

УДК 32(70)

ББК 66(70)

Латинская Америка в политических идеях и политических катаклизмах (к выходу пятой латиноамериканской рубрики)

Журнал «Гуманитарный акцент» рад представить вниманию читателя пятую латиноамериканскую рубрику, в которую вошли публикации молодых исследователей-студентов Учебно-научного мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова, посвященные различным проблемам политической и культурной истории региона. Рубрика построена вокруг центральной темы политических идей и их отражения в культуре, искусстве и политике. Ядро рубрики составляют три статьи, выполненные в рамках студенческого проектного научного коллектива РГГУ «Влияние культурной революции 1968 г. на новейшую политическую историю Бразилии, Аргентины и Чили», рассматривающие с разных сторон данный феномен. Дополняет рубрику статья, посвященная одному из эпизодов истории политических идей в Мексике XIX в. Такой выбор проблемного поля обусловил хронологию рубрики, охватывающей XIX–XX вв.

Согласно хронологическому порядку, рубрику открывает статья Е.А. Старостиной «Отражение Американо-мексиканской войны 1846–1848 гг. в мексиканской либеральной прессе». В фокусе работы пересечение двух ключевых феноменов мексиканской истории XIX в.: Американо-мексиканская война, стоившая Мексике половины национальной территории, и мексиканский либерализм, превратившийся в доминирующую идеологию страны на десятилетия. Мексиканская либеральная пресса, самая активная и многочисленная в стране в рассматриваемый период, внесла значительный вклад в формирование образа конфликта у современника и продвигала среди читателей (и слушателей) основные ценности: понятия отечества, законности, свободы и патриотизма.

Продолжит рубрику статья В.К. Мусина «Чилийская трактовка “политического”: Диего Порталес и Аугусто Пиночет». В представленной

работе, как следует из названия, анализируются идеи ключевых идеологов и практиков правого крыла чилийской политики: основателя чилийской государственности XIX в. и самого известного военного диктатора XX в. В связи с эндемическими политическими кризисами, сотрясавшими страну на протяжении ее истории, в Чили сформировалось особое, достаточно авторитарное представление о «правильной» политике и о том, кто должен претворять ее в жизнь. Особую актуальность такие идеи приобрели в свете проблемы преодоления постоянной холодной гражданской войны между политическими партиями, вышедшими в результате культурной революции 1960-х гг. на позиции совершенной непримиримости, итогом чего стал военный переворот 11 сентября 1973 г. и установление диктатуры военных во главе с А. Пиночетом.

Статья В.Ю. Ляпина «Музыкальное творчество Шикю Буарки как маркер эпохи пост-1968 г. в Бразилии: травма, апатия и дезавуирование мифологии режима» продолжает магистральную тему научно-исследовательской работы автора: социально-политическая проблематика бразильской популярной музыки в эпоху военной диктатуры 1964–1985 гг. На примере творчества Шикю Буарки, одного из ведущих музыкантов направления босанова, автор с помощью различных техник дискурс-анализа рассматривает общественные настроения т. н. «свинцовых лет», последовавших в Бразилии за массовыми молодежными и партизанскими выступлениями 1968 г.

Завершает рубрику статья, продолжающая тематику предыдущих работ – «Молодежь и корни зарождения аргентинского рока в 1960-е гг.» Т. Альмейры Хилья. В фокусе исследования – влияние рок-музыки и соответствующей субкультуры на социальную эволюцию молодежных движений в Аргентине. На основании анализа текстов знаковых рок-композиций рассматриваемой эпохи автор выявляет основные проявления проблемы 1968 г. в аргентинском случае: конфликт поколений, противостояние глобальной культуре потребления и, разумеется, идеи политической свободы накануне установления жесточайшей в истории Аргентины военной диктатуры в 1976 г.

И.Н. Косиченко
доцент УН Мезоамериканского центра
им. Ю.В. Кнорозова, канд. ист. наук

Е.А. Старостина

Отражение Американско-мексиканской войны 1846–1848 гг. в мексиканской либеральной прессе

В статье рассматривается проблема восприятия американско-мексиканской войны 1846–1848 гг. либеральной партией Мексики на основе материалов периодической печати. В 1840-е гг. различные политические фракции начали активно использовать прессу как инструмент формирования «правильного» общественного мнения у читательской публики вследствие учащения внутренних конфликтов и возникновения опасности со стороны консерваторов, а также, что не стоит исключать, накопления опыта в общении с электоратом начиная с 1820-х гг. В связи с этим война 1847 г. стала одной из освещаемых тем в большинстве исследуемых газет не только по причине необходимости консолидации общества, но и для наличия некоего «рычага давления» на правительство, в случае если оно не будет удовлетворять потребности населения и соответствовать его ожиданиям. Обсуждаемые в прессе темы можно разделить на два направления: освещение проблем, с которыми сталкивалась мексиканская армия с точки зрения независимой, т. е. неправительственной, стороны, а также пропаганда с последующим формированием образа вражеского солдата и, напротив, идеала настоящего патриота своей страны. Также особое место занимает критика качества и количества вооружения, что объяснялось глубоким экономическим кризисом, в котором находилась Мексика уже в течение долгого времени. Помимо анализа приведенных выше элементов, в работе рассматривается проблема роли войны 1847 г. в политическом дискурсе мексиканского либерализма.

Ключевые слова: Мексика, американско-мексиканская война, пресса, образ врага

Американско-мексиканская война падает тенью на мексиканскую историю, поскольку ни военные действия, ни мирный договор Гуадалупе-Идалго 1848 г. не были успешными и не принесли выгоды, которую хочет получить любая страна в результате какого-то конфликта. После окончания войны современники разных идеологических течений дискутировали о причинах поражения и предлагали разные пути решения для «спасения» страны из той плачевной ситуации, в которой она

оказалась. Важным источником, по которому можно проследить развитие восприятия данного военного конфликта, является национальная либеральная периодическая печать.

После полной аннексии США Техаса и неудачной миссии Дж. Слайдела в столицу Мексики стало очевидно, что военный конфликт более чем возможен [Миньяр-Белоручев 2005, с. 17–18]. В основном издатели соглашались с позицией правительства по техасскому вопросу, считая, что «нельзя смиряться с вероломством штата Техас, который, отделившись, развязывает захват нашей территории с целью уничтожить нашу государственность»¹, а присутствие на границе солдат Техаса в союзе с врагом «не может быть ничем иным, как дерзкой выходкой и вызовом чести мексиканцев»².

Однако нельзя отрицать, что в либеральной партии поначалу были разногласия, которые касались дилеммы: объявить войну США или же начать переговоры насчет Техаса. Люди, поддерживающие первый вариант, ориентировались на сложную экономическую ситуацию, поскольку в связи с недостатком финансовых средств Мексика была неспособна позволить себе эту войну. Примечательно, что президента Х. Эрреру обвиняли в слабости и даже в предательстве, так как он пытался договориться в Конгрессе о признании Техаса, чтобы не допустить войны, чьи последствия могли быть катастрофическими для будущего страны [Samponago 1982, p. 43]. Военная элита не смирилась с его умеренной политикой, и был устроен военный переворот во главе с генералом Паредесом. В наиболее крупных газетах этот инцидент был воспринят положительно.

В течение 1846–1847 гг. газеты выражали заинтересованность в деталях военных действий: можно сказать, что был выработан определенный метод публикации фронтовых новостей. Наблюдая за движением американских войск по мексиканской территории с помощью или слухов, или писем читателей, или статей в правительственной газете “Diario del Gobierno de la República Mexicana”, редакторы начинали информировать читателей о ситуации в городе, который, вероятнее всего, мог быть атакован. Публиковались такие новости, как численность мексиканских солдат, имя командующего дивизией, передвижение врагов, чуть реже – количество артиллерии. В действительности, по словам самих издателей, их главная задача состояла в том, чтобы рассказывать людям правду, не ограничивая их только словами правительства.

Перед сражениями в газетах имела место тенденция мотивировать население, среди которого могли быть будущие солдаты. Например, перед битвой за Матаморос в газете “El Genio” написали:

¹ Departamento de Veracruz // El Republicano. 1846. 25 de Abril. P. 2.

² El Republicano. 1846. 27 de Abril. P. 3.

Мы не сомневаемся в полном триумфе наших национальных войск, которые уже начали показывать свою силу ненавистным врагам, наперекор сомнениям, которые публикуются в американской периодике³.

Однако после поражений эта тенденция обычно видоизменяется: цель мотивировать и объединять граждан для общей цели осталась, но если до битвы акцент делался на «светлом облике» нации, то после – на опасности ее возможного уничтожения. Так, когда Монтерей сдался, в газете “El Monitor Republicano” вышла статья, где оценивался урон от его потери для страны: «Монтерей пал, это вопрос жизни и смерти для всей нации, для каждого из ее граждан»⁴. Кроме того, когда начались бои за Веракрус в 1847 г., также в “El Monitor Republicano” было написано: «гибель Веракруса и его предстоящая осада будет иметь пагубные последствия для нашей государственности»⁵.

Говоря о том, какой образ войны либеральная периодическая печать сформировала у населения, можно сказать, что в этом вопросе различные издательства были солидарны. Редакторы выделяли самую главную причину войны – «нынешняя война была спровоцирована, конечно, стремлением колонизировать и овладеть нашей древней территорией»⁶. Это была захватническая война со стороны североамериканцев, покусившихся на свободу мексиканского народа, его идентичность и историю.

Несмотря на постоянные поражения, либералы продолжали вселять надежду читателям на победу и настаивать на продолжении войны до самого конца, до изгнания «американских варваров» из страны. Так, в “Otro tiempo” также призывают людей бороться: «требуются большие усилия со стороны всех, чтобы спасти независимость религии, свободу и все общественные блага, которые стремится отобрать у нас дерзкий захватчик»⁷.

Четко представлялся образ врага, что не давало читателям усомниться в «низости» его действий: использовались эмоциональные обороты, а также подробное описание жестокости американцев – «захватчики, уничтожая огнем и кровью беззащитное население, расстреливают простых жителей и разграбляют их имущество»⁸. Кроме того, описывая солдат Соединенных Штатов, газеты стремились всячески принизить их военный потенциал. Так, для читателей,

³ El Republicano // El Genio. 1846. 10 de Mayo. P. 8.

⁴ El Monitor Republicano. 1846. 1 de Octubre. P. 4.

⁵ Union // El Monitor Republicano. 1847. 27 de Abril. P. 4.

⁶ Guerra de Tejas. Plan de Campaña // El Monitor Republicano. 1846. 26 de Abril. P. 1.

⁷ La Democracia. 1847. 18 de Febrero. P. 3.

⁸ Patentes de Corso // El Republicano. 1846. 23 de Septiembre. P. 3.

особенно в начале войны, вражеская армия представлялась разнородной группой без объединяющего элемента, которая «не вызывает и не может вызвать обоснованных опасений»⁹. Стоит отметить, что это связано не только с желанием воодушевить народ, но и с тем, что Мексика не совсем адекватно восприняла противника: не оценила его военно-политическую мощь, экономические силы и прочие факторы. Республика заметно отставала, особенно в техническом оснащении. Однако стоит сказать, что недооценка сил была проблемой не только для Мексики, но и для США, поэтому победа американцам в связи с их пренебрежительным отношением к врагу обошлась тоже достаточно дорого.

Кроме освещения военных действий, важной частью выпусков была агитация на добровольный призыв в армию. Это выражалось публикациями обращений читателей, писавших о том, как они рады, что выполняют свой гражданский долг, и простыми объявлениями об этой возможности. Издатели газет осознавали, что победить в этой войне возможно лишь при наличии воинов, которые прошли какое-то обучение, по этой причине часто появляются такие выражения, как «долг мужчины – военный долг», «каждый должен выполнить свою гражданскую обязанность». Также “El Republicano” публиковал списки тех, кто добровольно внес определенные суммы на помощь войскам. Вполне возможно, что издательство самостоятельно занималось сбором пожертвований, однако уже в послевоенных источниках можно найти информацию о том, что данные средства очень редко доходили до солдат.

Представляя собой альтернативное мнение на события, либеральные издательства также критиковали некоторые аспекты военной кампании. Так, не скрывается проблема с военно-морским флотом, который был в крайне плохом состоянии:

Система (если это можно так назвать), которой придерживаются наши правители, сводится к тому, чтобы время от времени покупать очень дорогие торговые суда, которые после остаются неизменными¹⁰,

т. е. никак не модернизируются. В 1847 г. после крупных поражений газета упоминает проблему недостатка артиллерии, а также массовые случаи дезертирства, которые крайне не одобрялись. Кроме того, редакторы газет открыто говорили о проблеме с финансами, публикуя в номерах собственное мнение по поводу повышения налогов и жалоб штатов. Следует отметить, что чаще всего данная критика преподносилась людям для того, чтобы собрать единомышленников против

⁹ *Guerra de Tejas*. Op. cit. P. 1.

¹⁰ *Marina militar // El Republicano*. 1846. 25 de Abril. P. 2.

неугодного либералам правительства. Особенно стоит выделить радикально-либеральную газету “El Monitor Republicano”, которая достаточно резко писала о поражениях на войне, связывая это с «недостойным» президентом М. Паредесом [Cruz 1992, p. 28].

Возвращаясь к ранее упомянутой дискуссии 1848 г. между мексиканскими интеллектуалами, главной причиной, поражения по их мнению, было безразличие либеральной партии и правительства: чиновники были больше озабочены своим карьерным ростом и защитой идеологии от консерваторов, чем действиями врага, который покушался на суверенитет страны. Такое поведение прослеживается и в периодической печати. В течение 1846–1848 гг. так и не было создано постоянной военной рубрики: фронтовые новости располагались на последних страницах газеты, а если были депутатские выборы или какие-то важные события в правительстве, то тема войны вообще могла не затрагиваться. Как уже было сказано ранее, характер новостей сильно зависел от того, какая ситуация была внутри правительства, а также как она была выгодна либералам.

Таким образом, позиция либеральных представителей в Американо-мексиканской войне в периодической печати была достаточно открытой, а транслируемый образ представляется четким и контрастирующим, выделяя оппозицию «свой-чужой». Однако если представлять данную прессу как часть либеральной мексиканской политической системы, то можно понять, что ее главной функцией было привлечение новых сторонников, нежели реальное мотивирование населения и формирование патриотического духа.

Литература

- Миньяр-Белоручев 2005 – *Миньяр-Белоручев К.В.* Проблема восприятия противника как фактор развязывания войны (на примере американо-мексиканской войны 1846–1848 гг.) // Военно-историческая антропология: Ежегодник 2003/2004: Сб. ст. М.: [Б.и.], 2005. С. 245–258.
- Cruz 1992 – Cruz C., Cerón M. El Monitor Republicano // Segunda Época. 1992. No. 6. P. 19–60.
- Samponaro 1982 – *Samponaro F.* Mariano Paredes y el movimiento monarquista mexicano en 1846 // Historia Mexicana. 1982. Vol. 32. No. 1. P. 39–54.

УДК 94+32(83)
ББК 63.3+66(7Чил)

В.К. Мусин

Чилийская трактовка «политического»: Диего Порталес и Аугусто Пиночет

Статья посвящена анализу понимания политики и понятия политического у двух важных представителей чилийского консервативного направления XIX и XX вв. Диего Порталес – публицист и государственный деятель, автор конституции 1833 г., родоначальник «эпохи Порталеса» в Чили. Аугусто Пиночет – лидер военного переворота 1973 г., глава Правительственной хунты с 1973 по 1981 г., президент Чили с 1981 по 1990 г., при его правлении была принята новая конституция 1980 г. Анализ и раскрытие представлений о политике и понятии политического двух государственных деятелей расширяет рамки политической истории Чили, истории политических идей, политических процессов в стране в XIX и XX вв. Источниковая база состоит из личных писем Порталеса и книги Пиночета «Политика, политиканство, демагогия». На основе данных источников делаются выводы о политических представлениях двух исторических личностей. Порталес считал, что политика должна быть делом небольшого круга высоконравственных людей, чья цель – повысить общую мораль общества. Также он выделяет «чрезвычайное положение» как особое явление, при котором перестают работать прошлые законодательные рамки и создаются новые благодаря созерцену. Пиночет дополнил философию своего предшественника и разделил пространство политики на три уровня: «политику», «политиканство» и «демагогию». На каждом уровне находятся свои участники, которые преследуют свои цели. Между уровнями возможна мобильность. Наиболее подходящим для развития страны и общества является уровень «политики», в котором находятся наиболее достойные представители чилийской нации.

Ключевые слова: Политическая история, Чили, Диего Порталес, Аугусто Пиночет, политика, понятие политического

После обретения независимости, как и во многих других странах Латинской Америки, в Чили остро встал вопрос будущего устройства государства: не только в институциональном плане, но и в плане политики и политического устройства. После первых двух десятилетий независимости и первых недолговечных проектов основного закона

© Мусин В.К., 2024

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Влияние культурной революции 1968 г. на новейшую политическую историю Бразилии, Аргентины и Чили» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

в 1833 г. в стране принимают новую конституцию, которая просуществовала с поправками до 1925 г. Идеальным вдохновителем и одним из «отцов» данной системы был Диего Порталес, публицист и государственный деятель. В свою очередь, авторитарный характер хунты 1973–1989 гг. и роль личности ее главы (с 1973 по 1981 г., с 1981 по 1990 г. – президент) Аугусто Пиночета также создали определенный институциональный климат, некоторые черты которого существуют и поныне.

Важнейшим понятием в философии Порталеса была законность, легальность. Чилийский деятель получил незаконченное высшее образование в Национальном институте, где он учился на юриста, но из-за начавшейся войны за независимость он так и не смог закончить обучение. Тем не менее даже той части образования, что он получил, хватило для укоренения легистского понимания бытия. Важное место в его представлениях о законности занимала непреклонная позиция по отношению к наказанию преступников. Чилийский историк Франсиско Энсина писал о кейсе британского моряка Пэддока, приговоренного к смертной казни за убийство четырех человек. Друзья Порталеса, англичане Блест и Ингрэм, просили его помиловать Пэддока. Помимо того, что это было превышением должностных полномочий, Порталес в письме, адресованном своим друзьям, извиняется за то, что ничего не может сделать, потому что, несмотря на личное сострадание, он должен следовать букве закона, причем до такой степени, что если бы на месте Пэддока оказались Блест и Ингрэм, то он бы уже оплакивал их смерть [Encina 1964, p. 212]. В указанном письме также проясняется эгалитарная концепция наказания, которой придерживался Порталес, поскольку он заявляет своим друзьям, что если приостановить казнь, «то завтра, когда будет расстрелян какой-нибудь негодяй, может подняться крик о том, что закон существует только для них (в смысле применения наказаний), а не для влиятельных людей (которые оставались бы безнаказанными)».

Другими словами, Порталес видел в соблюдении законности необходимую основу гражданского и политического существования. Он настаивает на этой идее в своем письме Хоакину Токорналю от 16 июля 1832 г., в котором советует ему действовать с «абсолютной скрупулезностью» при исполнении своих обязанностей на посту министра внутренних дел, подавая тем самым пример «благочестивого управления»¹. Приводя плохой пример, чилийский государственный деятель указал на предшественника Токорналя, чье попустительское «по отношению к пороку» способствовало росту количества преступлений, что в свою очередь подрывало основы общественной морали и разрывало узы, связывающие «граждан и Закон».

¹ *Silva Castro R.* Los problemas políticos de Chile: Documentos oficiales y administrativos. Santiago: Editorial Del Pacifico, 1954. P. 39–42.

Он приводит похожий пример, но с последствиями отсутствия законности, в другом письме, на этот раз адресованном Гарфиасу, от 16 марта 1832 г., где пишет:

...когда нет интереса к справедливости, закону и хорошим нравам, нам ничего не остается, как прибегать к собственным силам, к тому, чтобы наказать того, кто нас оскорбляет, потому что суды и все судьи склонны попустительски относиться к преступлениям всякий раз, когда видят, что некому исполнять свои обязанности².

Другими словами, пренебрежение правосудием и есть нарушение «уз закона и общества», что вынуждает каждого применять силу для защиты своих прав. Такое использование самообороны легально, но оно же свидетельствует о слабости государства и закона. Похожие идеи спустя 100 лет высказывали некоторые шмиттеанцы, к примеру Альваро д'Орс, также писавшей вскоре после переворота 1973 г. в чилийском журнале "Portada" об исключительности права на самооборону [Cristi, Ruiz 1992, pp. 134–135].

Тем не менее не только размышления о праве на самооборону связывают Диего Порталеса и Карла Шмитта. Чилийский деятель также сформулировал понятие «чрезвычайные обстоятельства», которое затем станет одним из центральных понятий в политической теологии Шмитта. Тезисы о чрезвычайном несколько раз попадают в письмах Порталеса. К примеру, их можно найти в уже процитированных письмах:

...я очень серьезно отношусь к юридическим формальностям, когда позволяют обстоятельства³;

...открытое нарушение только что принятого основного кодекса, нарушение, которое не может оправдать ни необходимость, ни величие, ни полезность цели⁴.

Это и есть ограничения, которые Порталес вводит в свое понятие легальности: «обстоятельства» и «необходимость, величие, полезность». В свою очередь это означает, что, если того требуют обстоятельства, можно нарушить юридические нормы и что «необходимость, величие, полезность» позволяют оправдать нарушение конституции.

Данные тезисы Порталес развил в своем письме Гарфиасу от 6 декабря 1834 г.⁵ В нем автор критикует журналиста Мариано Эганью, ко-

² *Silva Castro R.* Op. cit. P. 32–33.

³ *Ibid.* P. 39–42.

⁴ *Ibid.* P. 32–33.

⁵ *Ibid.* P. 57–58.

торый указывал на незаконность преследования политических активистов. На что автор конституции иронично ответил: «столкнувшись с угрозой со стороны человека свергнуть власть, правительство, по его мнению, должно сложить руки». В этом же письме Порталес гневно высказывается в адрес законотворцев и на то, как использовались сами законы, неспособные, по его мнению, исправить зло, о существовании которого было известно. Поэтому, в случае «ненадежности» законов, следует ввести чрезвычайное положение или, как пишет сам автор в другом письме:

От себя могу сказать, что по воле закона или против него, мы должны посягнуть на эту сеньору, которую зовут Конституцией, когда того требуют чрезвычайные обстоятельства. И какая нам с того разница, когда за год с ней, как с ребенком, это проделали уже столько раз из-за ее полной бесполезности!⁶

Если отфильтровать несдержанные формулировки, то остается идея Порталеса о том, что ситуация, угрожающая государству, общественному порядку и безопасности граждан, представляет собой чрезвычайное положение, которое позволяет принимать исключительные меры даже вне рамок законности или вопреки ей. Данный тезис интересно подчеркнуть не только в контексте личности Порталеса, который считал себя безусловным легистом и моралистом, но и в контексте истории идей: известно, что одним из источников политической теологии Карла Шмитта было творчество испанского карлиста Хуана Доносо Кортеса, однако можно предположить, что некоторые истоки могут быть и в чилийском мире идей.

Как писал сам Шмитт, чрезвычайное положение подразумевает отказ от предшествующей нормы [Шмитт 2016]. Проблема заключается в том, остается ли суверен, действующий в такой ситуации, подчиненным какой-либо норме.

Обобщая мысли Порталеса, можно выделить ответ на этот вопрос: все действия правителя должны руководствоваться моральной добродетелью. Моральность предполагает следование принципам законности в «нормальных условиях», но, кроме того, и сам правитель должен быть высоконравственным человеком, чтобы в исключительной ситуации следовать своему внутреннему моральному компасу вопреки «плохим» законам. В таком случае, когда «закон замолкает», единственное, что ограничивает действия правителя, – это моральный кодекс, и он же является гарантией гражданам,

⁶ *Guzmán A. Las ideas jurídicas de Portales / Portales y el derecho. Santiago: Editorial Universitaria, 1988. P. 34.*

подразумевающей правомерность действий правителя во время чрезвычайного положения.

В данном контексте важно обратить внимание на письмо к Сеа от марта 1822 г.⁷ В нем критикуются пороки, от которых страдали иберо-американские страны, и отсутствие добродетели у их граждан. Порталес требует, чтобы правители были образцами добродетели, так как на них возложена миссия исправлять тех, кто страдает от пороков и грехов. Это письмо отражает своего рода требование повысить общественную мораль, которая представляет собой «катализатор», без которого невозможно создать либеральную демократию.

«Дух Порталеса» можно проследить и у Аугусто Пиночета. В начале 1980-х гг. президент Чили опубликовал свою книгу «Политика, политиканство, демагогия» (исп. “Política, Politiquería, Demagogia”), в которой генерал раскрыл свое понимание политики и политического процесса. Следуя названию произведения, можно выделить 3 уровня политического.

Первый уровень – это уровень «политики». Как и для Порталеса, особую важность на данном уровне играли порядочность и добродетельность:

В истории нашей страны есть примеры политиков подлинной порядочности, которые стоически жертвовали всеми личными интересами ради высших интересов Родины⁸.

Еще одной важной характеристикой человека, находящегося на уровне «политики», является способность управлять страной. Следуя логике португальской философии, человек должен быть достоин того, чтобы занять место суверена. Пиночет подтверждает данный тезис в отдельной главе, в которой пишет как про свои личные достоинства военного и управленца, так и более «теоретически» рассматривает качества, необходимые для руководителя страны. Первая важная характеристика – это чувство иерархии и своего места в ней:

Военная жизнь подготовила меня, во-первых, к полному пониманию того, что ни одно учреждение не может функционировать должным образом, если в его недрах царят хаос и анархия... <...> ...я понял, что это фундаментальное требование для эффективности организации. В идеале вы не должны отказываться от выполнения своих обязанностей⁹.

⁷ *Silva Castro R.* Op. cit. P. 61.

⁸ *Pinochet A.* Política, Politiquería, Demagogia. Santiago: Editorial Renacimiento, 1983. P. 7.

⁹ *Ibid.* P. 16.

Вторая важная характеристика – это наличие моральных ценностей. Как было показано выше, по Порталесу, суверен должен влиять на общественную мораль. Генерал прямо указывает, что это одна из его задач как руководителя страны:

Однако я глубоко обеспокоен моральным оздоровлением общественных дел. Задача, которую я считаю сложной, но не невозможной... <...> ...эта потребность в изменении политических привычек является одной из причин моих надежд на молодое поколение. Потому что оно умеет сочетать действие с идеалами!¹⁰

Третья важная характеристика данного уровня – это экзистенциальная борьба с политиками и демагогами. Пиночет строит свое повествование на рассказе о противоборстве трех уровней. Причем «политика» – это в первую очередь именно уровень идеалистов, людей, глубоко преданных своим взглядам и своему делу. Данная характеристика близка к пониманию политики у Шмитта, который также сравнивал политику с войной, а политических оппонентов – с врагами на поле боя [Шмитт 2016]. Такое понимание близко к восприятию бытия генерала; в одном из своих интервью он рассказал, как, по его мнению, надо изучать коммунизм: чтобы максимально хорошо изучить идеологию, надо подняться на воздушном шаре и охватить ее взглядом с разных углов, как поле боя [Correa, Subercaseaux 1989, p. 50].

Следующим уровнем является «политиканство». Автор книги так объясняет данный термин:

Он умеет жить только под сенью власти, которая его укрывает и питает, потому что у него нет других причин для существования. И когда он теряет власть, он превращается в злого проигравшего, и тогда оппозиция все это оправдывает, потому что для него нет интересов выше собственных¹¹.

«Политикан» в первую очередь – профессиональный политик, который стремится к власти. Руководство страной для него не является призванием, у него нет ни нужных качеств, ни добродетелей. На данном уровне человек ближе к пониманию политики по Максиму Веберу [Вебер 2018], нежели по Карлу Шмитту:

Когда преобладает партийность, она становится скорее средством трудоустройства или бюрократического и административного влияния, чем средством выражения идей.

¹⁰ Ibid. 1983. P. 11.

¹¹ Ibid. P. 10.

На примере «политиканства» Пиночет показывает, что есть лифты между тремя уровнями. Можно быть достопочтенным политиком, но затем стать политиканом. Автор не приводит прямых примеров, но в тексте эзоповым языком намекает на экс-президента Эдуардо Фрея, который был единственным бывшим главой Чили, который не поддерживал новое правительство и не вошел в Государственный совет, совещательный орган при Правительственной хунте. Более того, Фрей был одним из лидеров оппозиции, пока не умер при подозрительных обстоятельствах в 1982 г., что также способствовало критике со стороны действующего руководителя страны. А. Пиночет, цитируя самого Фрея, так описывает процесс перехода в «политиканство»:

В партийном руководстве преобладает не тот, кто думает о стране, а тот, кто думает о служении своим друзьям. Такой человек успешен, процветает, становится начальником, и когда он слишком много думает о том, чтобы хорошо расположить к себе друзей, он уже на пути к мысли, что, если помогать такому количеству людей, логично подумать о том, чтобы помочь и себе самому, и нет недостатка в возможностях конкретизировать эту помощь...¹²

Третьим уровнем является «демагогия». Данный уровень является самым расплывчатым. В одних ситуациях он упоминается как синоним «политиканству», в других как отдельное явление. В тех случаях, когда «демагогия» выступает в роли самостоятельного уровня, под ней понимают сторонников коммунистической идеологии. Можно выделить две основные характеристики «демагогов».

Во-первых, они настроены на уничтожение существующих институтов ради построения новой страны: «...демагогия не только не ценит существующие рамки, но и сознательно или бессознательно стремится их уничтожить»¹³. Проекты «демагогов» показываются извращенными и пагубными для страны и для нации.

Во-вторых, «демагоги» не являются самостоятельными политическими акторами в отличие от первых двух уровней. Сознательно или бессознательно они являются агентами влияния других стран и проводниками их воли. Задача «политиков» – борьба с «демагогами» и защита общества от их пагубного влияния. При этом, несмотря на враждебную оценку, за «демагогами» признается автором наличие своих ценностей, что отличает их от «политиканов».

В общем и целом, описывая системы взглядов Диего Порталеса и Аугусто Пиночета, можно выделить следующие характеристики. Порталес считал, что политика должна быть в первую очередь занятием

¹² Ibid. P. 18.

¹³ Ibid. P. 68.

высоконравственных людей, которые создают законы и общий институциональный фасад и «морализуют» все общество. Следование букве закона несмотря на свои личные амбиции является обязанностью каждого политика. В тех случаях, когда по каким-то причинам законы перестают отвечать требованиям общества, появляется сюзерен, который выступает в роли спасителя и меняет юридические нормы на подходящие.

Пиночет развил данные идеи, разделив политическое пространство на три уровня. На первом уровне находятся «политики», которые следуют общему духу философии Порталеса и занимаются «настоящей политикой». На втором уровне находятся «политиканы», профессиональные политики, которые занимаются партийной деятельностью. Они не обладают должными добродетелями и стремятся заполучить власть. На третьем уровне находятся «демагоги», которые могут выступать как в роли «политиканов», так и в роли самостоятельных акторов. Они стремятся уничтожить существующий институциональный строй и построить на его месте новый.

Литература

- Вебер 2018 – Вебер М. Политика как призвание и профессия. М.: Рипол-классик, 2018. 288 с.
- Шмитт 2016 – Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 567 с.
- Correa, Subercaseaux 1989 – Correa R., Subercaseaux E. Ego sum Pinochet. Santiago: Zig-Zag, 1989. 110 p.
- Cristi, Ruiz 1992 – Cristi R., Ruiz T. El Pensamiento conservador en Chile: Seis Ensayos. Santiago: Editorial Universitaria, 1992. 204 p.
- Encina 1964 – Encina F. Portales. Santiago, 1964.

В.Ю. Ляпин

Музыкальное творчество Шику Буарки как маркер эпохи пост-1968 г. в Бразилии: травма, апатия и дезавуирование мифологии режима

Период 1964–1968 гг. был ознаменован постепенным накалом противостояния между новоустановленной властью режима и обществом, не последнюю роль в чем принимало и музыкальное искусство, представленное в рамках фестивалей бразильской популярной музыки. В итоге в 1968 г., когда на улицах происходили многотысячные манифестации, а на фестивалях исполнялись песни, призывавшие к открытому вооруженному противостоянию против режима, правительство было вынуждено пойти на еще большее ограничение свобод граждан, отраженное в документе, известном как Институциональный акт № 5, принятом в декабре того года. Многие музыканты были вынуждены покинуть страну в связи с начавшимися репрессиями, среди них был и Шику Буарки, вернувшийся в страну в 1970 г. и заставший новую социально-политическую реальность на своей родине. На протяжении периода так называемых свинцовых годов (1969–1974 гг.) им было записано несколько композиций, критиковавших сложившийся порядок вещей.

Данная статья посвящена анализу композиций *Apesar de Você* (1970 г.), *Construção* (1971 г.) и *Cálice* (1974 г.) с целью выявления восприятия автором, представителем творческой интеллигенции, сложившейся в Бразилии после 1968 г. социально-политической реальности и самого военного режима.

Ключевые слова: Бразилия, история, Шику Буарки, популярная музыка, травма, военная диктатура, «глобальный 1968 г.»

Принятый в Бразилии 13 декабря 1968 г. Институциональный акт (далее – ИА) № 5 дублировал пункты прекратившего действовать в 1967 г. ИА-2, однако добавлял крайне важное положение, вследствие чего годы его действия стали самыми жесткими за период диктатуры. В дополнение к ограничению политической активности, ИА-5 отменял *habeas corpus*, что открывало режиму дорогу к преследованию оп-

позиционеров и внесудебным заключениям¹. В случае с предыдущим ИА-2, по установленному порядку судебных разбирательств политических преступлений, они должны были передаваться федеральным судьям. Есть основания полагать, что подобные изменения были вызваны накалом внутривнутриполитической обстановки, пик которого пришелся на 1968 г. (в контексте «глобального 1968 г.»). Данный протест затронул и музыкальную сцену: с 1965 по 1968 г. длилась так называемая эра фестивалей, в рамках которых исполнялись композиции весьма протестного содержания, а в 1968 г. музыканты позволяли себе в открытую выступать против режима, в том числе призывая со сцены к вооруженной борьбе². В итоге в 1969 г. многие музыканты вынуждены были покинуть страну или оказывались в ссылке, в их числе был и Ш. Буарки, анализу творчества которого в историческом контексте военной диктатуры посвящено данное исследование.

В качестве наиболее репрезентативных были выбраны три композиции: *Apesar de Você* (1970 г.), *Construção* (1971 г.) и *Cálice* (1974 г.). *Apesar de Você* была написана музыкантом после возвращения в Бразилию из «добровольной ссылки» в Италию, куда он отправился после начала репрессий³. У данной композиции поразительная история, демонстрирующая как особенности работы цензуры, так и общественные настроения в это время. Ш. Буарки вернулся под влиянием директора своей звукозаписывающей компании, сказавшего ему, что ситуация на родине улучшается. Вернувшись домой, музыкант, по его же словам, «увидел реальность, которую не мог себе представить» [Santos 2019, p. 254], под влиянием увиденного он и написал эту композицию. Разумеется, музыкант был вызван в полицейский отдел для прояснения посылки, что нес его текст. Он рассказал, что это мстительное послание отвергнутого жениха, и композиция в итоге была разрешена для радио и продажи. Разойдясь тиражом почти в сто тысяч копий, она превратилась в «гимн протеста», и только после этого была запрещена, а музыкант в глазах режима окончательно получил репутацию «подрывного» деятеля [Mello, Severiano 1998, p. 148]. Данный сюжет подтверждает идею о том, что примат заявленной публично авторской интенции в подобной политической обстановке следует как минимум подвергать сомнению. Приведенный пример четко демонстрирует то, какое значение в определенном контексте может иметь композиция, и как на самом деле ее понимали и воспринимали слушатели. В об-

¹ Ato Institucional nº5 de 13 de Dezembro de 1968. Brasília, 1968. URL: http://www.planalto.gov.br//CCIVIL_03/AIT/ait-05-68.htm (дата обращения 04.05.2024).

² Как композиция музыканта Желарду Вандре Пра não dizer que não falei das flores, также известная как Caminhando.

³ *Buarque C. Apesar de Você*. 1970. URL: <https://www.letras.com/chico-buarque/7582/> (дата обращения 04.05.2024).

ратном случае можно прийти к выводу, что цензура непропорционально и просто бессмысленно запретила композицию о последствиях неразделенной любви.

Данный текст выстроен на противопоставлении, в первую очередь – сегодняшнего и завтрашнего дня. Начинается он с хорового напева «завтра будет новый день», в то же время в противовес ему первая строчка куплета гласит: «Сегодня ты тот, кто правит», и в общем начало текста посвящено именно *сегодня*. «Сегодня мой народ ходит, смотря в землю... говоря в стороне», – автор говорит о запуганности населения, по-видимому, репрессивной политикой режима. Еще одно противопоставление – свет и тьма, уже встречавшееся в творчестве Ш. Буарки, в его тексте *Sabiá*⁴. Именно *Você* ответственен за тьму, что говорится прямым текстом. В свою очередь завтрашний день будет «сиять, не спрашивая разрешения». Таким образом Ш. Буарки конструирует образ веселого существа, но не Бога, а фактически дьявола, ведь именно *Você* изобрел «грех», но «забыл придумать прощенья», он же запрещает любить. Более того, *Você* не дает наступить *завтра*, он, по сути, предвестник Последнего дня.

Примечательно присутствие в данном тексте анкерсмитовской «травмы-2» [Анкерсмит 2007, с. 444], в аналогии голландского историка с Французской революцией музыкант предстает подобием «консерватора», травмированного революцией, осознавшего «до», но желающего не его возвращения, а наступления «другого после», поскольку уже живет в нем. Причиной травмы выступило событие, разделившее жизнь на отдельные периоды – приход к власти военной диктатуры. Однако музыкант говорит не о том, что все следует вернуть к состоянию «как было», это не «антиреволюция, а революционное воззвание против революции», по аналогии с тем, что писал о знаменитой книге Эдмунда Бёрка Новалис [Анкерсмит 2007, с. 445]. Ровно в этом состоит отличие от композиции *Sabiá*, где главенствует «я вернусь», в *Arasar de Você* речь идет уже о завтрашнем дне, то есть процесс принятия постреволюционного порядка завершился, а окончательно Ш. Буарки был добит «якобинским террором», начавшимся во фример 1968 г. с принятием ИА-5. Вместе с этим данный пример демонстрирует значение ИА-5 в сознании музыканта. Первый период диктатуры был, по-видимому, более похож на предшествующий ему демократический, а начало репрессий, в свою очередь, ознаменовало окончательное оформление «Революции 1964 г.», которую военные провозгласили через неделю после переворота.

Интересную версию касательно данного текста и образа *Você* представил А.Г. Дугин, говоря о том, что видение в этом противоборстве

⁴ *Buarque C., Jobim A.C. Sabiá*. 1968. URL: <https://www.letras.mus.br/chico-buarque/86043> (дата обращения 02.05.2024).

столкновения между условно правой диктатурой и левой оппозицией – примитивно и европоцентрично [Дугин 2017, с. 525–530]. Философ предлагает свою оригинальную трактовку – противостояние национально ориентированной части народа против американоцентричного, квазиколониального режима, являющееся частью философии освобождения. То есть, по его мнению, проблема состояла именно в том, что режим действовал по американским «лекалам», что и приводило к нетерпимости со стороны народа, отраженной в композиции Ш. Буарки.

Достаточно глубоко проанализирован текст *Apesar de Você* в статье бразильского исследователя Б. Сантуса, который показал, что композиция является отражением «протеста толпы», что выражается как в аранжировке, где присутствует хор, а также в словах о свободно поющем в завтрашнем дне хоре [Santos 2019, p. 256]. В противовес этому, текст скорее говорит о личном опыте и не носит характер «коллективного иска» к диктатуре, артист не пытался за его счет сблизиться с недовольной группой населения, что передается использованием прежде всего 1-го лица ед. числа: мой народ; я спрашиваю; мое страдание; я взываю; клянусь; я умру. Можно сравнить с упомянутой в предыдущей главе композицией Ж. Вандре, где использовалось по преимуществу 2-е лицо мн. числа, например: «пойдемте (*vamos*) вперед»; «мы все (*somos*) равны» и т. д.⁵ В данном же случае с помощью местоимения 1-го лица ед. числа маркируется личная ответственность сообщавшего, что особенно интересно в контексте фрагмента «я взываю с процентами, клянусь». При использовании «мы» эта же ответственность расплывается на неопределенный круг лиц.

Следующим текстом автора, к которому следует обратиться, является *Construção* 1971 г. из одноименного альбома⁶. Во время его написания Ш. Буарки, уже объявленный «подрывным», жаловался, что цензоры запрещали две из трех написанных им композиций [Perrope 1989, p. 5]. При том самым большим минусом, который музыкант отмечал в одном из интервью последующего периода, являлась автоцензура, к которой он прибегал, дабы иметь возможность публиковаться [Santos 2019, p. 254]. При этом в этот период, как уже было продемонстрировано на примере *Apesar de Você*, артист отходил от сентиментального в сторону социального [Mello, Severiano 1998, p. 159]. Трагический сюжет композиции привлекает внимание своим отражением социальной реальности на примере последнего дня жизни простого человека. Исследователь Чарльз Перроун отмечает, что тексты

⁵ *Vandré G.* Pra não dizer que não falei das flores. 1968. URL: <https://www.lettras.mus.br/geraldo-vandre/46168/> (дата обращения 02.05.2024).

⁶ *Buarque C.* Construção. 1971. URL: <https://www.lettras.com/chico-buarque/45124/> (дата обращения 04.05.2024).

музыканта в целом полны многозначности, особенно когда речь идет о социальном подтексте [Perrone 1989, p. 1]. Именно это обнаруживается в данном тексте, который, начиная с описания рутины обычного человека, заканчивает полнейшим смешением смыслов. Композицию можно структурно поделить на три части, каждая из которых завершается варьирующейся строкой, начинающейся с «Он умер по ту сторону дороги...». Варьируется она, как и прочие строки, по следующей схеме: называется действие, неизменное во всех трех частях, после чего к нему добавляется «как если бы он был» и прилагательное, которое в произвольном порядке, все менее логичном к концу текста, прибавляется таким образом к действию. Например, вначале он строил твердые стены (*paredes sólidas*), после его первой «смерти» они становятся магическими (*mágicas*) и в конце текста приобретают прямо противоположный вид, становясь «дряблыми» (*flácidas*). Таким же образом, умерев на той стороне дороги, рабочий сначала мешал «трафику», а в конечном итоге «народу» и «субботе», что должно подчеркнуть тот факт, что никого не беспокоит судьба обычного человека. Более того, он самой своей смертью мешает выходящему остальным. Вероятно, это главная проблема, которую выносит Ш. Буарки. Она носит не социально-политический, а скорее психосоциальный характер, отражая состояние общества, того общества, что поддерживало диктатуру, вывешивая плакаты с лозунгом «*Brasil: ame-o ou deixe-o*»⁷. Интересен вывод Ч. Перрона о том, что использование именно субботы как дня гибели строителя призвано контрастировать с тем, что для людей, чей досуг прервала его смерть, это был день отдыха [Perrone 1989, p. 27], тем самым затрагивая и вполне социальную проблему труда.

Данная композиция, по сути, состоит из двух, в ее конце исполняется *Deus lhe pague*, имеющая отдельное продолжение в конце альбома. Данный фрагмент текста внутри *Construção* и в качестве отдельного произведения – глубоко обвинительный, так что название лучше перевести как «Да воздаст тебе Господь». В таком случае становится понятно, что Ш. Буарки желает неминуемой кары «преступника» за содеянное, а поскольку Господь воздаст всем справедливо и по их заслугам – за то, что совершил *Você* из предыдущей композиции, может следовать лишь наказание. Автор в очередной раз обозначает круг проблем, порожденных властью, уточняя то содеянное, за что поступит божественное возмездие. С помощью следующих фраз указывается на попрание базовых человеческих свобод: «За разрешение на улыбку»; «за дозволение дышать»; «за дозволение мне существовать»; критикуется пропагандистская ложь и социальное манипулирование

⁷ Перевод: «Бразилия: люби ее или покинь ее». Лозунг правительственной пропаганды, использовавшийся во время президентства Эмилио Медиси.

режима: «футбол, чтобы сплотить»; «преступления, чтобы пообсуждать»; «самба, чтобы отвлечь», и общее бедственное положение людей: «за бесплатный ликер, что нам надо глотать»; «за проклятый дым, из-за которого надо кашлять», и «за хлипкие строительные леса, с которых мы падаем», связывающее эту часть с основной. Таким образом, по своей сути *Deus Ihe Pague* представляет из себя нечто между молитвой и проклятием, очень характерное для бразильской культуры синкретическое сочетание. Даже структурно композиция походит на ритуальный текст, каждое четверостишие с перечислением «грехов» заканчивается фразой «Да воздаст тебе Господь».

В рамках рассмотрения данного текста следует рассмотреть тщательнее одну из проблем, поднятых музыкантом, которая в общем весьма редко фигурировала в творчестве музыкантов, проанализированном до этого, в частности в качестве роли карнавалов и самбы как способа отвлечения. Однако в этот период и вообще в 1970-х гг., говоря о государственной пропаганде, следует затронуть тему, связанную со словами из песни: «футбол, чтобы сплотить». Нагляднее всего отношение к футболу демонстрирует процесс мифологизации Эдсона ду Насименту, Пеле, известного также как Король футбола, единственного футболиста, трижды становившегося чемпионом мира. Для «народа» спортсмен являлся символом национальной гордости или даже олицетворением возможности, поскольку футбол уже тогда являлся хорошим социальным лифтом. Можно вспомнить композицию с 3-го фестиваля бразильской популярной музыки *Beto bom de bola*, рассказывающей историю молодого футболиста из неблагополучной социальной среды, сделавшего Бразилию чемпионом мира по футболу⁸. Однако тогда композиция запомнилась прежде всего тем, что ее исполнение пошло не по сценарию, что сперва не понравилось зрителям, а далее вынудило Сержио Рикардо разбить свою гитару с криками: «Вы победили! Но это недоразвитая Бразилия. Вы – животные!»⁹ Причем последние две реплики были явно вырезаны из телевизионной записи¹⁰. Пеле и был таким футболистом, окончательно закрепив свой образ величайшего после победы сборной Бразилии на чемпионате мира в Мексике в 1970 г.

Отношение власти к данной теме демонстрирует следующий пример. Хвалебную песню о Пеле один из цензоров в своем вердикте оценил, как

⁸ Ricardo S. Beto bom de bola. 1967. URL: <https://www.letras.com/sergiocardo/520632/> (дата обращения 05.05.2024).

⁹ Mello Z.H. A Era dos Festivais: Uma Parábola. São Paulo: Editora 34. 2003. P. 203.

¹⁰ III Festival da MPB 1967 (A Grande Final TV Record) [Raridade] // YouTube. [видеохостинг]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TOCUntjNRTk> (дата обращения 02.05.2024).

...распространяющую энтузиазм и любовь к Родине, вдохновенную бразильцем, который в самом деле является примером для нашей молодежи и предметом национальной гордости¹¹.

В то же время композиция *Viva meu Brasil* («Да здравствует моя Бразилия») 1971 г. содержит в своем весьма одическом тексте «Да здравствует президент» наравне с «Да здравствует Пеле» в другом куплете¹². Подобные проявления патриотизма отмечаются в монографии американского исследователя Томаса Эллиота Скидмора в контексте деятельности органов государственной пропаганды, которые в стремлении показать Бразилию в качестве растущей мировой державы сочетали футбол, популярную музыку, президента Медици и прогресс (экономическое чудо), что в целом позволяло создать привлекательный образ как для внутренних, так и для внешних критиков режима [Skidmore 1988, p. 111]. Именно эти пропагандистские темы можно именовать частями «мифа о развитой стране», который формировался режимом. Примечательно, что и в 1974 г. Пеле все еще сохранялся как национальный символ, в одной из композиций Бразилия была описана, как колыбель Пеле и Тирадентиса¹³. Интересно, что в обществе существовала и «оппозиция Пеле», которая обвиняла самого спортсмена в том, что он не борется против военной диктатуры и расового неравенства [Vasques, Neto 2021, p. 2].

Темы популярной музыки, футбола и пропаганды, обозначенные Ш. Буарки, сходятся в тексте «гимна сборной Бразилии» на чемпионате мира 1970 г.¹⁴ Действительно, ее лейтмотивом является именно сплочение народа за счет привязки сборной ко всей нации с помощью следующих речевых оборотов: «90 миллионов в действии»; «давайте все вместе»; «кажется, вся Бразилия держится за руки»; «все охвачены одним чувством» – по сути это и есть все повторяющиеся строки текста. В данном случае уместно привести размышления Эрика

¹¹ Requerimento da gravadora Discosul para aprovação das letras: Fracasso total [et al.] // SIAN. F. DFANBSB NS. D. 21569. F. 12. URL: http://imagem.sian.an.gov.br/acervo/derivadas/br_dfanbsb_ns/cpr/mui/lmu/21569/br_dfanbsb_ns_cpr_mui_lmu_21569_d0001de0001.pdf. (дата обращения 05.05.2024).

¹² Requerimento para aprovação da letra: Viva meu Brasil // SIAN. F. DFANBSB NS. D. 20224. F. 4. URL: http://imagem.sian.an.gov.br/acervo/derivadas/br_dfanbsb_ns/cpr/mui/lmu/20224/br_dfanbsb_ns_cpr_mui_lmu_20224_d0001de0001.pdf. (дата обращения 11.05.2024).

¹³ Requerimento para aprovação das letras: Meu primeiro cavaleiro [et al.] // SIAN. F. DFANBSB NS. D. 32401. F. 6. URL: http://imagem.sian.an.gov.br/acervo/derivadas/br_dfanbsb_ns/cpr/mui/lmu/32401/br_dfanbsb_ns_cpr_mui_lmu_32401_d0001de0001.pdf

¹⁴ Werneck M.G. Pra frente Brasil. 1970. URL: <https://www.letras.com/hinos-de-futebol/394819/> (дата обращения 05.05.24).

Хобсбаума о спорте, который еще в межвоенный период превратился в утверждение со стороны власти национальной идентичности, поскольку даже самые аполитичные элементы могли через международные состязания соотнести себя с нацией:

В виде команды из одиннадцати человек с конкретными именами воображаемая общность миллионов кажется более реальной, даже тот, кто принадлежит к болельщикам становится символом нации¹⁵.

Ровно это можно наблюдать в бразильской пропаганде данного периода. В результате эта песня стала почти государственным гимном, так как исполнялась на всех официальных мероприятиях [Skidmore 1988, p. 112]. Вероятно, таким образом Ш. Буарки комментировал как раз эту, несомненно, популярную композицию и посыл, передаваемый через нее властью.

Следующей композицией Ш. Буарки, которую стоит проанализировать, является *Cálice* (1974 г.)¹⁶. С первых строк данное произведение, написанное вместе с Ж. Жилом, отсылает слушателя к христианской тематике, а именно к гефсиманскому Молению о Чаше (порт. «*cálice*»). Вдохновителем этой песни был известный музыкант Жилберту Жил, предложив первую ее строку во время Пасхальной недели: «Отец, пронеси мимо меня эту чашу». В свою очередь Ш. Буарки сразу увидел в этом игру слов *cálice* – *cale-se* (рус. «заткнись», омофоны), после чего родилась идея композиции, выражавшей протест настолько прямо, что была сразу запрещена [Santos 2019, p. 257]. Припев, с которого начинается текст композиции, помимо слов Христа, приводит строчку, в которой рассказывается о содержимом чаши: «красное от крови вино» (ориг. порт. «*vinho tinto de sangue*»; также вино становится в ходе евхаристии кровью Христа). Таким образом, не последний раз поднимая тему репрессий в стране, демонстрируя общую обстановку. Однако и первая строка заслуживает большего внимания, особенно в контексте обращения к оригинальному евангельскому сюжету и ранее проанализированной *Construção*, в качестве интертекстуального построения. Христос во время своего Моления о Чаше то и дело заставлял спящими апостолов, которых просил бодрствовать. В этом тексте слова Христа произносит именно лирический герой, которого в этом случае есть основания, исходя из контекста, называть носителем авторских переживаний. В свою очередь в *Construção*, как было показано ранее, автор описывал апатичное состояние общества в этот

¹⁵ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998. С. 226.

¹⁶ *Buarque* C. *Cálice*. 1974. URL: <https://www.letras.com/chico-buarque/45121/> (дата обращения 07.05.2024).

период. Артист, как Христос, «молится» в окружении спящего народа, перед тем как его арестуют за его слова и послание. Хотя этого не случилось, исходя из контекста эпохи, арест музыканта в 1973 г. не стал бы чем-то из ряда вон выходящим, если власти позволяли себе и более жестокие меры по отношению к оппозиции, отсылки на которые присутствуют и в данном тексте. Более того, слова «я хочу умереть от собственного яда» в контексте «чаши» отсылают к еще одной знаменитой персоне, пострадавшей за высказывания, не будучи вполне понятой – к Сократу.

Вместе два текста дают понимание того, что Ш. Буарки задумывался о необходимости общества следовать за ориентирами и прекратить молча и апатично принимать диктатуру. Молчание – это главная тема данной композиции. В рамках тех речевых оборотов и лексем, что исследователь Б. Сантус обозначает термином «семантика репрессий» [Santos 2019, p. 258], особое место занимают именно те, что связаны с молчанием, что лишний раз подтверждает, что название композиции неслучайно омофонично: «молчание в груди»; «молчание на губах»; «молчание в городе»; «молчание ночи»; «тишина оглушает»; «слово застревает в горле». Также Ш. Буарки продолжает конструировать образ абсолютного зла, которым являлся *Você*, в данном тексте диктатура предстает в качестве «озерного чудовища».

В контексте проанализированного творчества Ш. Буарки уместным будет поднять вопрос о таком направлении его мысли, отраженном в его текстах, как развенчание мифологии режима Медиси. Под «мифами» диктатуры понимаются темы, эксплуатировавшиеся режимом в рамках своей пропаганды, прежде всего это футбол и бразильское экономическое чудо 1967–1973 гг. Б. Сантус в своем труде, можно сказать, цепляется за один фразеологизм, использованный в тексте – *engolir a labuta* («тянуть ляжку»), говоря о том, что Ш. Буарки поднимает проблему плохих условий труда в условиях «ложного экономического чуда» [Santos 2019, p. 259]. Это не совсем верный подход, так как не следует никаких интертекстуальных параллелей или контекстуализации, которую следует привести. Рабочий вопрос действительно волновал музыканта, судя по записанной в 1972 г. композиции *Vai trabalhar, vagabundo*, использовавшейся в одноименном фильме Уго Карваны 1973 г.¹⁷ Она посвящена бедственному положению рабочих, отличающемуся тяжелым трудом и отсутствием времени на мечты о будущем, уместающемся в самом названии «Давай работай, бездельник». Что касается контекста «экономического чуда» в данной композиции, следует заметить, что она написана как раз в тот год, когда бразильская экономика вошла в период стагнации, который

¹⁷ *Buarque C. Vai trabalhar, vagabundo. 1972. URL: <https://www.letras.com/chico-buarque/86077/> (дата обращения 08.05.2024).*

в итоге выльется в кризис, начавшийся в 1981 г. Если экономика Бразилии (ВВП) росла в среднем на 11,3% в год в период с 1967 по 1973 г., то в период стагнации всего на 5,4% [Pereira 1984, p. 162]. Серьезный прогресс, которого страна достигла в экономике, действительно использовался правительственной пропагандой для формирования позитивного образа режима наравне с борьбой против террористов и герильи, и была весьма эффективна, поскольку многие бразильцы, ощущая улучшение благосостояния, воспринимали его именно в качестве результата правления авторитарного правительства Э. Медиси [Skidmore 1988, p. 110]. Экономистами выдвигаются разные объяснения произошедшего в Бразилии в 1973 г. Некоторые выделяют роль внешнеэкономических процессов, особенно нефтяного кризиса, разгоревшегося из-за событий на Ближнем Востоке (прежде всего это заявляет неоклассическая школа) [Pereira 1984, p. 163]. Другая трактовка, не самая популярная, гласит о том, что это был кризис перепроизводства, вызванный слишком быстрым ростом промышленности по отношению к росту средней заработной платы, в этот период производство товаров длительного пользования росло в среднем на 23,6% в год, а зарплаты на 3,1% [Pereira 1984, pp. 164–165].

Значительным процессом в период президентства Э. Медиси была борьба против левого терроризма и герильи, завершившаяся во многом победой правительства. В 1969 г. попал в засаду и был убит Карлос Маригелла, лидер *ALN (Ação Libertadora Nacional)*, в 1970 г. был убит его заместитель Жоакин Феррейра, в 1971 г. был вынужден бежать из страны примкнувший к *MR-8 (Movimento Revolucionário 8 de Outubro)* Карлос Ламарка из *VPR (Vanguardia Popular Revolucionária)*, и к началу 1972 г. городская герилья в Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу была подавлена [Skidmore 1988, p. 122]. Ш. Буарки не обошел этот процесс стороной, вставив в свой текст *Cálice* строчку «Хочу быть опьяненным дымом дизельного топлива», что является отсылкой на резонансное дело Стюарта Анжела, члена партизанской группировки, похищенного и подвергнутого пыткам отрядами *DOI-CODI*. Способ его убийства стал ассоциироваться с репрессиями диктатуры – он был привязан ртом к выхлопной трубе автомобиля, в результате чего задохнулся и умер.

Оппозиция данного периода часто характеризуется как деморализованная и фрагментированная по той причине, что режим добился значительных успехов как в политике, так и в экономике, победив внутренних врагов и заполучив необходимую народную поддержку с помощью своей стратегии «хлеба и зрелищ». На этом фоне Ш. Буарки в «свинцовые годы» представляет собой самый яркий из затухших очагов сопротивления режиму, поднимая широкий спектр проблем, от вопроса достойного труда до психосоциального состояния общества, пребывавшего, по его мнению, в апатии и бездействии. Именно в этом, по мнению музыканта, и находился корень проблем: для решения

вопроса с репрессиями надо прекратить спускать их с рук, прекратить сторониться трагедии ближнего и быть сопричастными. Анализ творчества Ш. Буарки позволил выяснить две важные вещи: аспекты формирования артистом собственного антисистемного мира, который включает в себя особое представление о власти, выражающееся в определенных художественных образах, а также тактику критики режима, которую использовал музыкант. В последнем случае особенно продуктивным представляется анализ критики того, что в тексте было названо «мифологией» режима, поскольку данное пространство текстов представляет собой прямое столкновение между двумя силами: с одной стороны, продуктов интеллектуальной деятельности коллективной «власти», выражающихся в пропаганде (которая принимала и образы песен), с другой стороны – защиты в виде нападения со стороны артиста, дезавуирующего конструкты режима. Это в целом отличается от обычной тактики атаки на «режим в целом», на его действия и на проблемы, генезис которых может лишь мнимо приписываться ему. В данном случае вместо противостояния интеллектуального и социально-политического проявляется борьба интеллектуального с обеих сторон.

Литература

- Анкерсмит 2007 – Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 612 с.
- Дугин 2017 – Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Цивилизации границ. Цивилизации Нового Света. Прагматика грез и разложение горизонтов. М.: Академический проект, 2017. 558 с.
- Mello, Severiano 1998 – Mello Z.H., Severiano J. A Canção no Tempo: 85 Anos das Músicas Brasileiras. Vol. 2. São Paulo: Editora 3, 4. 1998. 368 p.
- Pereira 1984 – Pereira L.C.B. Development and Crisis in Brasil 1930–1983. Boulder: Westview Press, 1984. 241 p.
- Perrone 1989 – Perrone C.A. Masters of contemporary Brazilian song: MPB 1965–1968 Austin: University of Texas Press, 1989. 254 p.
- Santos 2019 – Santos B.F. Tempo de resistência: o discurso de protesto na poesia de Chico Buarque // Cadernos Cajuína. 2019. Vol. 4. No. 1. P. 247–264.
- Skidmore 1988 – Skidmore T.E. The politics of military rule in Brasil: 1964–85. New York: Oxford University Press, 1988. 420 p.
- Vasques, Neto 2021 – Vasques D.G., Neto F.P.M. Pelé, futebol e ditadura: uma resenha do documentário “Pelé” // Pensar a Prática. 2021. No. 24. URL: <https://revistas.ufg.br/fef/article/view/68152> (дата обращения 04.05.2024).

УДК 78.08(82)
ББК 85.318(7Арг)

Т. Альмейра Хиль

Молодежь и корни зарождения аргентинского рока в 1960-е гг.

Статья посвящена анализу первого этапа аргентинского рока и появлению такого понятия, как «молодежь» в качестве общественного субъекта. «Аргентинский», или «отечественный» рок, каким его знают сегодня в Аргентине, возник как выражение молодежных движений в период глобальных преобразований, которые глубоко затронули мировое сообщество в период 1960–1970 гг. Рок приобрел известность в аргентинской популярной музыке и стал ярким примером ювенализации массовой культуры. Этот музыкальный стиль возник как симбиоз процесса модернизации и молодежи как социального субъекта. Национальный рок зародился как один из способов культурного самовыражения, созданное молодыми людьми вопреки доминирующим устоям общества. Одновременно эта музыкальная тенденция стала образцом идентичности молодых аргентинцев, основанным на осознании того, что они являются частью одного и того же жизненного переживания.

Ключевые слова: история, Аргентина, музыка, массовая культура, культурная революция, конфликт поколений, модернизация, ювенализация

В конце 1960-х гг. молодое поколение становится протагонистом новой эпохи и формирует молодежную культуру, которая кардинально повлияла на определение предпочтений и запросов подростков того времени [Мяло 1985, с. 3–5]. Следовательно, то, наблюдается в эти годы, – это процесс модернизации, который определяет формирование нового социального субъекта – молодежи. Как предполагает В. Мансано, «в той степени, в которой авторитет, приписываемый прошлому и традициям, был подорван, молодежь приобретает актуальность как обещание перемен» [Manzano 2010a, p. 363]. В противостоянии прошлого и будущего молодежь, как концепция, воплотила в себе и перспективы перемен, и их противоречия. Именно данный процесс сформировал термины «молодежь» и «молодежные движения»

© Альмейра Хиль Т., 2024

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Влияние культурной революции 1968 г. на новейшую политическую историю Бразилии, Аргентины и Чили» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

с сильным политическим и социальным зарядом. Серхио Пухоль считает, что «некоммуникабельность» как с родителями, так и с правительством станет главной темой у молодого поколения 1960-х гг. Неприятие консервативных устоев прошлого проявилось в протестах против меркантильного и дегуманизированного мира. Поиск радикально новых тенденций в культуре, музыке, духовности, в образе мысли и жизни привел к апогею таких контркультур, как хиппи, где основой являлся индуистский посыл о любви и мире, употребление наркотиков и совершенно новое восприятие музыки – музыка как неотъемлемая часть самовыражения молодежного движения.

В отличие от них также существовали и те молодые люди, которые придерживались «системы», стремились стать ее непосредственной частью. Служащие, в надежде стать руководителями, всегда хорошо одетые и озабоченные своим внешним видом и перспективами на будущее.

Агрессивный негативизм, характерный для молодежного стиля 60-х гг., стремление во что бы то ни стало противопоставить себя «миру взрослых», детски-нетерпеливая жажда удовольствий («Рай – немедленно!»), подчеркнутое отвращение к определенным обязанностям и систематическому труду – все это были скорее симптомы инфантильного (и целенаправленно подстегиваемого) нежелания взрослеть, нежели сколько-нибудь серьезная основа для масштабного социального и культурного творчества¹,

так описывает советский культуролог К.Г. Мяло менталитет молодежи в 1960-х гг.

Молодежь – неотъемлемый атрибут движений 1960-х гг. и вместе с тем один из самых болезненных и уязвимых их аспектов².

Все вышесказанное передает аналогичную атмосферу в Аргентине описываемого периода. Но здесь стоит отметить слияние транснациональной динамики и сугубо национальных характеристик, отражающих социально-политическую турбулентность в стране.

На протяжении 1960-х гг. наблюдается консолидация молодежи как важного субъекта общества, что было следствием сложного процесса социальной модернизации [Manzano 2010b, pp. 363–390]. Этот исторический период известен политическими протестными и революционными движениями, начиная от Кубинской революции и за-

¹ Мяло К.Г. Под знаменем бунта: Очерки по истории и психологии молодежного протеста 1950–1970-х гг. М.: Молодая гвардия, 1985. С. 8.

² Там же. С. 7.

канчивая студенческими волнениями конца 1960-х гг. Модернизация в данном случае понимается не как гомогенный переход от старого общества к новому, а как процесс социальной трансформации, который в то же время порождал формы оппозиции по отношению к себе [Pujol 2002, p. 50]. Социальная модернизация не являлась прямой линией явления исторического развития, а была обусловлена культурным разрывом между поколениями и поиском новой картины мира. Таким образом, трансформация происходит в результате реакции на существующий кризис, порожденный как межпоколенческим конфликтом, так и подпитываемый формированием мировой молодежной культуры. Понятие прогресса, являющегося итогом модернизации, представляется необходимым рассматривать в контексте контркультурных молодежных тенденций, которые одновременно являются его результатом и антитезисом.

Данный кризис был обусловлен, с одной стороны, возникшим после падения режима Х. Перона климатом международной открытости и с другой – репрессиями, начавшимися в конце 1960-х гг. Этот разрыв между старым и новым позволил открыться нише, занятой сугубо молодежной культурой. Аргентинское общество погрузилось в атмосферу преобразований, которые изменили его повседневную жизнь и создали лакуны власти, которые повлияли на системы глобального доминирования и обусловили появление оппозиции.

В этих изменениях образа жизни аргентинского общества молодые люди воспринимаются как одна из движущих сил данного процесса, создающая культурные нормы, отличные от культурных норм их родителей. Сексуальность и потребительские привычки приняли новые формы. Как отмечает Серхио Пухоль в своей книге “La década rebelde: los años 60 en la Argentina”, 1960-е гг. представляются нам как время постоянных перемен [Pujol 2002, p. 17]. Идея свободной любви изменила сексуальные отношения, изменилась частная жизнь и степень участия женщин в общественной жизни. Изменились вкусы и мода, у молодых людей появились новые стереотипы, выходящие за рамки национального уровня. У молодежи появились новые модели потребления, в которых глобальные образцы стали определяющим фактором формирования предпочтений.

Изменения затронули мир музыки, как и всё аргентинское общество. Рок, импортированный из США, стал частью популярной музыки Аргентины. Распространение рока было постепенным процессом, у которого были как сторонники, так и противники. Голливудские фильмы способствовали проникновению этого жанра в Аргентину. Примером популярности, которой пользовались эти фильмы среди молодых аргентинцев, была “Blackboard jungle” [Vila 1996, p. 23]. Этот фильм, в саундтреке которого звучала музыка группы *Bill Haley and His Comets*, считается толчком к распространению рока в стране. Под-

ростковые фильмы, которые стали заполнять кинотеатры, дали молодому аргентинцу главных героев, с которыми он мог себя ассоциировать. Таким образом, рок и молодежь шли рука об руку, поскольку такая музыка служила маркером молодости [Pujol 2002, p. 278].

Рок-н-ролл как музыкальный стиль стал частью общественной дискуссии постперонистской Аргентины, главной темой которой были вопросы о том, как строить отношения с остальным миром и как осуществлять процесс социальной модернизации после свержения Перона. Закрепившись среди молодежной аудитории, рок-н-ролл развился как музыкальный стиль, придуманный молодыми людьми и существующий независимо от национальной музыки.

Этот процесс сопровождался формированием международного молодежного культурного рынка. Помимо фильмов, важную роль в распространении рока и конструировании молодежного стиля в Аргентине сыграли иностранные звукозаписывающие компании, такие как RCA и CBS и диск-жокеи, направлявшие музыкальные вкусы молодежи. Влияние, которое получила молодежь в 1960-е гг., способствовало популяризации ее вкусов, в том числе на рынке культурных товаров и услуг. Джаз и танго ассоциировались со старой музыкой, не связанной с новыми молодежными направлениями. Музыкальный стиль служил для молодежи того времени идентификационным маркером, определявшим различные проявления молодости.

В соответствии с этой идеей молодежного потребительского рынка нельзя установить прямую связь между этой субкультурой и молодежными протестными движениями, пытавшимися бороться с аргентинскими властями. В первые годы зарождения этого музыкального стиля он был предметом споров о молодежной идентичности. Молодежь как категорию нельзя понимать однородно, поэтому рок представлял собой пространство, определяемое вкусами аргентинских подростков.

В течение 1960-х гг. появляется так называемая новая волна молодежи (например, носить *“blue jean”* или танцевать рок). В течение 1960-х гг. такая модель поведения стала считаться среди молодежи нормой [Manzano 2017, p. 22]. Примером этого явления стала музыкальная телепрограмма *El Club del Clan*, которая представляла собой способ сокращения разрыва между преобразованиями, произошедшими в эти годы, и ценностями, которые все еще доминировали в аргентинском обществе. Пухоль отмечает, что эта программа была смягченной версией рока, которая развивала этот жанр в рамках социально приемлемых культурных норм [Pujol 2002, p. 144]. В этом контексте данная музыка имела эстетику, связанную с молодежью; особенностью, отличавшей эту музыку от других жанров, было то, что она была создана молодежью для молодежи. Таким образом, подростки вторглись в массовую культуру.

El Club del Clan объединял целый спектр различных музыкальных стилей, в которых играли молодые аргентинцы. Этот телевизионный проект был примером вторжения молодежи в потребительские пространства, чтобы примирить новые вкусы с социальными нормами того времени. Такие песни, как *Qué suerte* в исполнении Виолеты Ривас, были одой романтической любви, позиционирующей женщину в пассивной и конформистской роли [Manzano 2017, p. 157]. El Clan был одним из первых признаков молодежной культуры, которая развивала собственные пространства досуга и практики общения. Но одновременно в этом контексте стали возникать споры о вкусах молодежи и форме идентификации.

Международное влияние позволило рок-н-роллу проникнуть из Соединенных Штатов. Подавляющее большинство подростков в Аргентине усвоили эту музыку, сделав ее частью своей идентичности, но на протяжении этих лет начали возникать новые влияния и формы для построения новой идентичности. Как пример этого стоит упомянуть Сандро – Роберто Санчеса, который начинал как имитатор Элвиса, пока не стал одной из икон романтической песни. Это был феномен гибридного способа создания музыки, в котором артист пытался иностранными течениями, но с годами он добавлял в свое искусство латиноамериканский отпечаток, который проявился [Karush 2017, p. 13]. Таким образом, североамериканский рок-стиль подвергся аргентинскому влиянию и это отразится в том, что впоследствии превратится в национальный рок.

В этой культурной среде начало формироваться то, что позже будет названо национальным роком. 1967 г. стал годом огромной важности для аргентинского рока, поскольку появился сингл *La Balsa* группы Los Gatos. Она быстро стала гимном поколения, представляющим определенную часть молодежи. Не находясь вне системы и не обладая эстетикой, сильно отличающейся от коммерческой музыки того времени, эта группа, состоящая из Литто Неббиа и Чиро Флогаттия, положила начало развитию новых способов самоопределения молодежи, которые были связаны с ее претензиями к обществу того времени. Как утверждает Саймон Фрит: «Создание музыки – это не способ выражения идей, это образ жизни» [Frith 2003, p. 186]. Проиллюстрировать этот подход можно на примере *La Balsa*, культового хита Los Gatos и рока в Аргентине³.

Их тексты демонстрируют форму, которую национальный рок принял в своем зарождении, связанную с идеей создания чего-то, что могло бы выйти за пределы этого неудобного мира, в котором пришлось жить этим молодым людям:

³ Letras.com: [сайт]. URL: <https://www.letras.com/los-gatos/194886/> (дата обращения 29.05.2024).

Мне здесь очень одиноко и грустно.
в этом заброшенном мире
У меня есть идея: уйти
в место, которое я люблю больше всего,
мне чего-то не хватает чтобы уйти.
Пешком я не могу
я построю плот
и пойду тонуть. (Пер. мой. – Т. А.)

Как видно из слов поэта Пипо Леунара, завсегдагая La cueva:

Там как будто создавался свой мир, со своим собственным языком, который никто не понимал, и даже со своим собственным способом сочинять [музыку] [Grinmberg 2014, p. 59].

В конце 1960-х гг. появляются музыкальные группы, такие как Manal и Almendra, которые считаются наиболее важными группами этого первого этапа национального рока, который завершится в 1971 г. распадом этих музыкальных групп.

В этом контексте представляется важным рассмотреть кейс группы Manal, состоявшей из Хавьера Мартинеса, Клаудио Габиса и Алехандро Медины. Из них именно Хавьер Мартинес был тем, кто имел наибольшее отношение к движению куэвера (cuevera). Manal взяла за основу своей эстетики блюз, что позволило формату молодежного рока предложить более жесткий взгляд на реальность и городское общество. Такие тексты, как *No pibe*, являются частью критики общества потребления и отражают стремление к свободе, к которому призывает молодежь, как видно в следующих стихах⁴:

Вам не обязательно иметь машину
или полмиллиона часов.
Четыре хорошо оплачиваемых места работы,
быть телезвездой.
«Нет, нет, нет, нет, малыш». (Пер. мой. – Т. А.)

Конфликт, который поднимает эта песня, заключается в том, что молодежь соблазняется ненужным потреблением и забывает о том, что по-настоящему важно – их собственная самобытность. Очевидно, что одной из проблем была способность мыслить вопреки рекламе. В то же время высказывается критика ценностей, которые пытаются навязать молодежи, если трансформации, которые переживало обще-

⁴ Letras.com: [сайт]. URL: <https://www.letras.com/manal/no-pibe/> (дата обращения 29.05.2024).

ство, привели к тому, что молодые люди стали рассматриваться как еще одно звено в цепи потребления, господствовавшего в обществе.

В рассматриваемый период прогрессивная музыка отличалась от коммерческой музыки: ее форма и послание пытались представить альтернативу того, что задавал рынок. Клаудио Габис в интервью, которое Мигель Гриммберг взял у него для книги *Somo vino la mano*, фокусируется на свободе, которую музыкант должен иметь для возможности передавать свое послание, но намекает, что во многих случаях эта способность становится «ограниченной» коммерческими параметрами, которые приводят к деконструкции этого посыла [Grinmberg 2014, p. 123].

Точно так же, как Manal взял блюз как основной жанр, на сцене появилась группа молодых людей, знавших друг друга еще со школьных времен из города Бельграно, которые сформировали группу Almendra, участником которой являлся Луис Альберто Спинетта. Это была одна из самых известных групп национального рока, ее отличал стиль фьюжн и тексты ее песен. Возможно, на экспериментальном уровне Almendra была группой, достигшей наибольшего охвата в своей музыке.

Эта группа является ярким примером диверсификации, которую претерпел рок, который больше не был сосредоточен в «пещере» (en la “cueva”). Появлялись новые места и группы, которые вместе с Almendra являются результатом консолидации активного молодежного сообщества, который способствовал новым связям с музыкой и способом ее создания. На примере стихов Альмендры становится видна потребность в свободе, как в песне “A estos hombres tristes”⁵: оде молодым людям, имеющим право голоса, чтобы выразить неуверенность в обществе, в котором они жили.

Холоднее, чем разучиться видеть,
чем увидеть, как забыть, как видеть.
Однажды я увидел, что ты не поешь
и я не знаю почему
Если у тебя есть голос, у тебя есть слова
пусть они упадут
твоя жизнь кажется рушащейся
хочешь верь, хочешь нет.
Сколько города, сколько жажды
и ты одинокий человек. (Пер. мой. – Т. А.)

⁵ Letras.com: [сайт]. URL: <https://www.letras.com/almendra/202652/> (дата обращения 29.05.2024).

Тексты поэтически предполагают невозможность некоторых молодых людей освободиться, предполагая, что холод общества навязывает свои нормы, и размышляют о потенциале, который есть у голоса молодых людей, чтобы освободиться. Рок-музыка создавала идентичность, которая противоречила социальным требованиям. Это был способ создания движения, которое было организовано вокруг послания, которое они передавали и которое объединилось, чтобы предоставить молодежи пространство для построения смысла, не ограниченное социальными нормами. И первые группы, и те, что появились позже, впитали в себя ту идентичность, которую рок приобрел в Аргентине.

«Ювенилизация» массовой культуры во многом была обусловлена появлением рока. В Аргентине он появился как музыкальная форма, которая изначально преодолела классовые и гендерные границы, став началом для новой молодежной группы. Рок служил для организации досуговых практик и пространства для молодежи в 1960-х гг. Рок вызвал реакцию, связанную с опасностью, которую он представлял для сексуальной морали и национальных традиций. Это противодействие, призванное ограничить экспансию рока, было недолгим. Оно только могло установить временные границы для развития музыкальной формы, которую молодежь вскоре приняла как свою собственную.

Литература

- Мяло 1985 – *Мяло К.Г.* Под знаменем бунта: Очерки по истории и психологии молодежного протеста 1950–1970-х гг. М.: Молодая гвардия, 1985. 287 с.
- Grinmberg 2014 – *Grinmberg M.* Como vino la mano: orígenes del rock argentino. Buenos Aires: Gourmet musical. 2014. 285 p.
- Frith 2003 – *Frith S.* Música e identidad. Cuestiones de identidad cultura Buenos Aires: Amorrortu, 2003.
- Karush 2017 – *Karush M.* Musicians in transit: Argentina and the globalization of popular music. Durham: Duke University Press, 2017. 268 p.
- Manzano 2010a – *Manzano V.* Ha llegado la nueva ola: música, consumo y juventud en la Argentina 1956–1966. Buenos Aires: Prometeo, 2010. P. 19–60.
- Manzano 2010b – *Manzano V.* Juventud y Modernización Sociocultural en la Argentina de los Sesenta // *Desarrollo Económico* 50. 2010. № 199. P. 363–390.
- Manzano 2017 – *Manzano V.* La era de la juventud: cultura, política y sexualidad desde Perón hasta Videla. Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Fondo de Cultura Económica, 2017. 447 p.
- Pujol 2002 – *Pujol S.* La década rebelde. Los años 60 en la Argentina. Buenos Aires: Emecé, 2002. 340 p.
- Vila 1996 – *Vila P.* Identidades narrativas y música. Una primera propuesta para entender sus relaciones. *Trans* 2, 1996.

Историография и вспомогательные исторические дисциплины

УДК 7.08
ББК 85

А.В. Иванченко

Сатирические образы на пасхальных и рождественских почтовых открытках Первой мировой войны

В статье рассматриваются аспекты визуальной репрезентации Первой мировой войны на пасхальных и рождественских почтовых открытках с точки зрения «визуального оксюморона», впервые использованного О.А. Волковой в отношении советских поздравительных открыток. В фокусе авторского внимания находится изображение фронта и тыла в форме сатирических образов, которое способствует формированию нескольких плоскостей значений и перекодировке символов. В статье использованы исключительно атрибутированные пасхальные и рождественские почтовые открытки, содержащиеся в Музейном фонде Российской Федерации и Национальном библиотечном фонде. Ссылки на открытки оформлены в соответствии с той системой, в которой они содержатся: музейная и библиотечная. Автор приходит к выводу, что пасхальные и рождественские почтовые открытки Первой мировой войны демонстрируют явление «визуального оксюморона», так как изображения на них представляют собой сочетание систем значений, логически исключающих друг друга.

Ключевые слова: Первая мировая война, почтовые открытки, Пасха, Рождество, сатирический образ, фронт, тыл

Интерес к изучению открыток Первой мировой войны обусловлен актуальностью в рамках визуального поворота. Первая мировая война явилась крупномасштабным событием в истории российской открыточной индустрии, так как ни одна из предшествующих войн не оказала такого колоссального влияния. В годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. иллюстрированные открытки только стали распространяться в Российской империи, в большинстве случаев иностранного производства. На формирование отечественной открыточной индустрии в годы Первой мировой войны оказал влияние опыт

цензурной политики в отношении издательской деятельности времен Русско-японской войны 1904–1905 гг., когда противнику не было создано должного препятствия в разведывании информации в силу децентрализации органов военной цензуры и несвоевременной разработки руководящих документов для цензурной деятельности, в связи с чем в печати оказывались секретные сведения [Волковский, Лаврук 2019, с. 152–153]. Отечественная пропаганда в годы Русско-японской войны была распространена в рамках лубочных плакатов. В годы Первой мировой войны в Российской империи открыточная индустрия затмила лубочную деятельность в силу развития отечественной техники воспроизведения изображений и отказа от распространения немецких открыток [Furat 2023, с. 150], в связи с чем развертывание пропагандистской кампании начало всерьез охватывать и почтовые открытки, среди которых оказались пасхальные и рождественские.

Сатирические изображения в годы войны служили целям военной пропаганды. Издательства посредством сатирических образов стремились у граждан Российской империи одновременно пробудить чувства патриотизма и солидарности и сконструировать образ врага. Развитие чувства неприязни к «чужому» усиливает внутригрупповую солидарность среди «своих». К тому же изображение врага в негативном ключе предусматривает его высмеивание. Следовательно, посредством юмора нейтрализуется страх, который породила беспрецедентная по масштабу война. Основой для сатиры выступали уже сложившиеся стереотипные представления о странах-противниках [Цыкалов 2012, с. 85–86].

В 1914 г. в странах Антанты была распространена открытка с изображением союзничества стран на момент 1914 г. – Англия, Бельгия, Россия, Япония, Франция (рис. 1). Союзничество на открытке зафиксировано в трех аспектах: в ряд изображены флаги государств-союзников, на переднем плане представлены правители этих государств в парадной военной форме, в их ногах лежит расчлененный на равное количество союзников Вильгельм II.

Изображение правителей стран союзников происходит следующим образом. Первой слева поставлена Англия, Франция – в конце ряда справа, а Россия – по центру. Бельгия и Япония чередуются в ряду со странами Антанты. Бельгия как краеугольный камень баланса сил для Англии расположена рядом с ней. Япония же как союзник, предотвративший ожидания России войны на Дальневосточном фронте, расположена рядом с Россией.

Расчлененное тело Вильгельма II представлено без туловища. Его отсутствие подчеркивает незавершенность войны. Конечности конструируют в обществе представления о результатах ведения войны в 1914 г. В распределении частей тела кайзера между союзниками присутствует субъективный взгляд на вклад стран в победу над врагом:

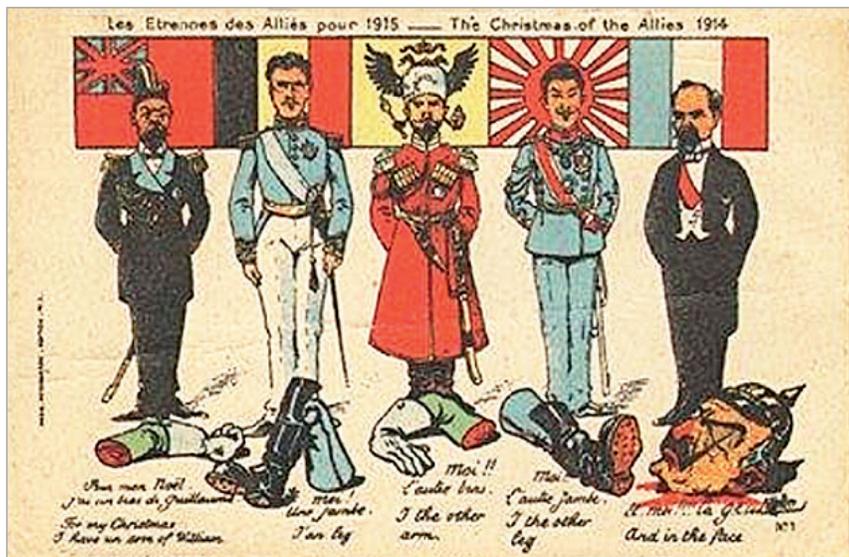

Рис. 1. Сатирическая открытка «Новогодние подарки союзников 1915 – Рождество союзников 1914». Париж, Пг. 1914. ГМЗ Пф КП 52064. 29420298
© Государственный музей-заповедник «Петергоф»

внутри Антанты подразумевалось, что Франция является главной в союзе, в силу того что смогла уничтожить центр принятия решений кайзера – голову, на втором месте – Россия, которая отрубила правую руку кайзера – активную, рабочую, на третьем – Англия, которая отрубила левую руку – деформированную, малоактивную [Тагирова, Шмалько 2017, с. 229].

Также в 1914 г. в Киеве в издательстве «Новь» была издана рождественская открытка, где можно увидеть испуганных детей, которые наблюдают за мимо пробегающими немцами-свиньями (рис. 2). К слову, изображение свиней на рождественских открытках не в новинку. Они давно присутствовали как неотъемлемый атрибут поздравления в силу распространения иностранных открыток в Российской империи, в первую очередь немецких, так как изображение свиней было их традицией [Конева, Юдина 2019, с. 68]. Однако на данной открытке можно заметить изменение смысла образа свиней: если до этого свинья трактовалась в положительном ключе как символ богатства, то с началом войны трактовка изображения свиньи претерпела трансформацию, в результате которой образ стал носить негативный характер.

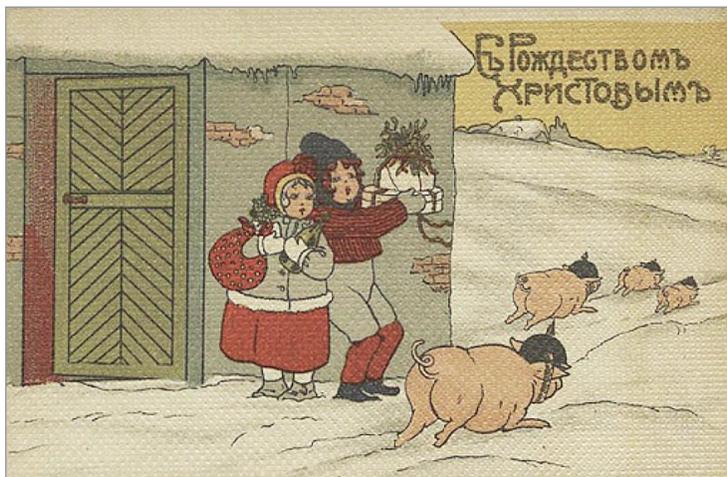

Рис. 2. С Рождеством Христовым!
Открытка. Киев: «Новь». Типолитография «Прогресс», 1914. 1 л.

Ко всему этому необходимо добавить, что данная открытка являлась интерпретацией австрийской новогодней открытки середины 1900-х гг. [Шарков, Симонян 2017, с. 319]. В австрийской версии поросята небольшие, милые и бегут вперед, дети им радуются (рис. 3). В киевской версии это уже толстые свиньи, которые бегут прочь. Тем самым изменяется не просто символика свиней, но еще и их объем и политический окрас, который передает непосредственную политиче-

Рис. 3. Эбнер П. С Новым годом!
Почтовая открытка. Вена: Изд-во М. Мунка [1905–1906]. 1 л.

Рис. 4. С Рождеством Христовым!
Открытое письмо. Пг.:
Изд-во Скобелевского комитета,
1915. 1 л.

Рис. 5. Кадулин И.С.
С праздником Св. Пасхи! Открытка.
Киев: Изд-во «Рассвет». Типография
С.В. Кульженко [1915]. 1 л.

скую позицию издательства. Е.В. Миронова отмечает, что изображение немцев полными и ненасытными было свойственно началу войны [Миронова 2018, с. 51].

Рождественская открытка, изданная в 1915 г. Скобелевским комитетом, демонстрирует надежды на избавление планеты от немецкого правителя, которого за все его грехи забирает в ад сатана, что в свою очередь связывает надежды с христианской религией, в которой праздник трактуется как победа добра над злом (рис. 4). Следовательно, зло в облике сатаны забирает Вильгельма II, а планета освобождается и обновляется, о чем говорит изображение ангела с колосьями в руках.

Образ России и врага также нашел свое место в рамках изображения на пасхальной открытке киевского издательства «Рассвет» за авторством художника И.С. Кадулина (рис. 5). На ней Россия предстает в образе медведя, наделенного силой и мощью. Он вырывается из пасхального яйца, подчеркивая связь с ним – единение государства с православной верой, которая и является его силой. Помимо немцев, изображены и турки. В отличие от изображения сдавшихся немцев турки ведут себя иначе – они не просто сдаются, а сбегают от испуга, теряя свои фески.

В период Первой мировой войны трактовка ассоциации медведя с Россией оставалась двойственной: первое – самодур, жестокость; второе – защитник от внешних врагов [Цыкалов 2013, с. 70]. Естественно, первое значение было присуще иностранным карикатурам, а второе – отечественным.

Данная открытка с медведем представлена в наборе, который преимущественно содержит зарисовки с героическими сюжетами казаков. Это связано с тем, что в этом издательстве использовали уже выпущенные открытки серии «Типы Малороссии» посредством добавления художниками обрамления акварелью с изображением символов Пасхи. Также накануне праздника в западных губерниях происходила карпатская операция, на волне которой были открытки героического содержания.

Сатирические изображения тыла сопровождались использованием детских образов. Они выполняли несколько задач: нейтрализовать страх у населения и у солдата посредством комичных сцен, воодушевлять солдата на подвиги и демонстрировать заинтересованность детей внести свой вклад в годы войны. Так, О.К. Охотникова и А.В. Хряков выделяют следующие распространенные сюжеты с детьми на открытках Первой мировой войны: военная мобилизация – мальчики в роли солдат, девочки собирают посылки на фронт или бинтуют раненых; война как детская игра – дети несут трофеи, идут на штурм, ведут немцев [Охотникова, Хряков 2021, с. 221–222]. Во многих случаях сюжеты с детьми повторяли изображения взрослых на открытках, тем самым приравнивались к ним.

Однако говорить об исключительно искусственном характере приравнивания детей ко взрослым на открытках нельзя. На детей война тоже оказала влияние. М. Нойман на примере киевских школьников демонстрирует вовлеченность детей в новостную повестку – стали интересоваться газетами, читали полученные с фронта письма. В рамках школьного образования наблюдалось заметное возрастание интереса учеников к истории и географии, чтобы разбираться в причинах войны и научиться понимать новости с фронта. К декабрю 1914 г. многие школьники желали освоить профессии, связанные с войной, – солдат, летчик или врач [Нойман 2022, с. 197–198].

На пасхальной открытке, изданной московской типолитографией братьев Менерт в 1915 г., С.И. Ягужинским был изображен эпизод военной мобилизации – подготовка детьми посылки на фронт (рис. 6). Идентификацией отправки на фронт служит надпись на коробке и небольшое стихотворение. Дети подходят к сбору посылки осознанно – складывают все самое необходимое для своих родных героев. Это демонстрирует неодобрительный жест со стороны старшей сестры в адрес младшей, которая принесла в подарок отцу свои игрушки. Также на открытке подчеркивается включенность детей в осознание военного положения государства и их участие в помощи солдатам.

Рис. 6. Ягужинский С.И.

Х.В.: Тем, чьи подвиги так ярки, шлем пасхальные подарки!
Открытка. М.: Типолитография Братьев Менерт, 1915. 1 л.

На рождественских открытках дети, преимущественно мальчики, зачастую изображались в героической коннотации, транслируя патриотическую позицию государства и вдохновляя взрослых на серьезные поступки: создавалось впечатление, что если даже ребенок это делает, то невозможно оставаться в стороне [Медяков 2014, с. 27].

А.А. Лавров нарисовал детскую серию открыток, пропитанных патриотическим духом. Она была издана частной московской типолитографией Торгового дома Гарри Гельмс и Ко в 1914–1917 гг. Данная серия, как и остальные открытки этого художника, обладала благотворительной функцией. Об этом гласит надпись на оборотной стороне открыток: «Каждые проданные 2–3 открытки дают возможность изготовить респиратор для защиты от удушливых газов». Стоимость одной такой открытки составляла 3 копейки. Привлечение образов беззащитных детей к сбору пожертвований повышало их эффективность [Охотникова, Хряков 2021, с. 226].

На одной из открыток изображен мальчик в образе солдата, на уставшем лице которого можно увидеть радость (рис. 7). Для идентификации праздника Рождества художник рисует рядом с мальчиком ель, которая по аналогии с рождественской елью украшена едой, но только бубликами, т. е. из числа той пищи, которая составляет паек солдата. Также на открытке приведено небольшое стихотворение.

Другая рождественская открытка А.А. Лаврова демонстрирует мальчиков в образе военных летчиков (рис. 8). Художник снял с них очки, чтобы можно было увидеть радость в их глазах. Однако, помимо радости, на лицах изображена усталость. С целью идентификации

Рис. 7. Я и праздничка дождался и без елки не остался:
почтовая карточка. М.: Типолиитография Торгового дома Гарри Гельмс и Ко
[1914–1917]. 1 л.

Рис. 8. Лавров А.А. В праздничном уборе и радостью во взоре:
почтовая карточка. М.: Типолиитография Торгового дома Гарри Гельмс и Ко
[1914–1917]. 1 л.

праздника художник иронично разместил в салоне самолета елки. На данной открытке тоже приведено небольшое стихотворение.

В результате сатирические образы преобладали на рождественских открытках. Изображая врага, художники сформировали образы, которые вызывали не только ненависть, но и смех. Эти образы являются привычными для общественного сознания, поэтому в годы войны в рамках пропаганды легко воспринимаются населением. Пасхальные и рождественские почтовые открытки продемонстрировали обладание следующими значениями: как художественное произведение, фиксация исторических фактов, средство пропаганды государственной политики, источник, содержащий религиозный контекст. Сочетание на открытках таких систем значений, как военная политическая пропаганда и религиозные каноны, представляет собой явление «визуального оксюморона». В данном случае происходит пересечение идей, логически исключающих друг друга: изображение элементов войны, которая трактуется пороком человечества, и светлых православных праздников рождения и воскресения Иисуса Христа.

Литература

- Волковский, Лаврук 2019 – *Волковский Н.Л., Лаврук П.П.* Первая мировая война 1914–1918 гг.: инструменты контроля и управления информацией в России // *Цензура в России: история и современность*: Сб. науч. трудов. Вып. 9. СПб., 2019. С. 152–177.
- Конева, Юдина 2019 – *Конева Е.А., Юдина К.А.* Особенности вербальной репрезентации символических атрибутов немецкой рождественской открытки в ментальном лексиконе человека // *Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты*: Сб. ст. по материалам Междунар. научно-практич. конф., посв. памяти С.Г. Стерлигова. Н. Новгород: ННГУ, 2019. С. 6–70.
- Медяков 2014 – *Медяков А.С.* «Творцы победы»: «внутренний фронт» на открытках Первой мировой войны // *Первая мировая война на почтовых открытках. Книга 3. За линией фронта*. Киров; М.: Изд. дом Крепостновъ: Гамма-Пресс, 2014. С. 6–29.
- Миронова 2018 – *Миронова Е.В.* Образ Германии в русских пропагандистских открытках времен Первой мировой войны // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. № 10. С. 42–53.
- Нойман 2022 – *Нойман М.* Мобилизация детей: подростки и патриотическая военная культура // *Проблемы современного образования*. 2022. № 1. С. 196–209.
- Охотникова, Хряков 2021 – *Охотникова О.К., Хряков А.В.* У войны не детское лицо? Дети на российских и немецких открытках Первой мировой

- войны // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2021. № 3 (137). С. 217–227.
- Тагирова, Шмалько 2017 – *Тагирова Н.Ф., Шмалько Е.А.* Кайзер Германии Вильгельм II: исторический портрет на фоне Первой мировой войны (1914–1918) // Вестник молодых ученых Самарского государственного экономического университета. 2017. № 2 (36). С. 228–233.
- Цыкалов 2012 – *Цыкалов Д.Е.* Карикатура как орудие пропаганды в период Первой мировой войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. 2012. № 1 (21). С. 85–90.
- Цыкалов 2013 – *Цыкалов Д.Е.* Образ «Русского медведя» в отечественной карикатуре периода Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917) // Лабиринт. 2013. № 4. С. 68–88.
- Шарков, Симонян 2017 – *Шарков И.Г., Симонян Л.Г.* Зарождение массовой художественной открытки в России конца XIX – начала XX века // Аллея науки. 2017. Т. 1. № 10. С. 314–319.
- Furat 2023 – *Furat M.F.* Postcards as a propaganda tool in the Ottoman Empire and Eastern Europe during World War I: An archival assessment // Contemporary Debates in the Social Sciences. 2023. Vol. 15. P. 147–156.

Е.А. Куценко

«Надо, дорогой мой, собраться с силами
и сделать нужное и полезное дело»:
письма А.И. Андреева А.Н. Сперанскому
по вопросам дипломатики

Знакомство Александра Игнатьевича Андреева с дипломатикой произошло в университетские годы – в семинарии Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского, видного дипломатиста, археографа и основоположника методологии исторической науки в России. После смерти учителя А.И. Андреев продолжал работать в сфере актового источниковедения, однако в середине 1920-х годов всецело переключил свое внимание на археографию, работая в Постоянной Исторической комиссии. В переписке с Александром Николаевичем Сперанским, профессором Московского государственного историко-архивного института, петербургский ученый, практически спустя двадцать лет, затрагивает темы, связанные с дипломатикой. Живой интерес А.И. Андреева к научной дисциплине, которой он перестал заниматься, не утих. Это отражено в письмах, что дает новый фактический материал для изучения не только эпистолярного наследия А.И. Андреева и А.Н. Сперанского, но и положения исторической науки в середине 1930-х годов. Помимо этого, письма А.И. Андреева А.Н. Сперанскому добавляют новые штрихи к портретам двух ученых и их взаимоотношениям.

Ключевые слова: А.Н. Сперанский, А.И. Андреев, письма, дипломатика, археография

В историографии отмечалось, что в 1920–1930-х гг. русское актовое источниковедение имело два направления: собственно дипломатическое и юридически-экономическое [Каштанов 1988, с. 103]. Одним из крупных представителей первого направления стал ученик А.С. Лаппо-Данилевского [Комочев 2009, с. 91–99; Комочев 2013, с. 16–19] А.И. Андреев, у которого за плечами был богатый опыт, связанный с дипломатикой [Андреев 1916а, с. 1–7; Андреев 1916б; Андреев 1920, с. 133–157]. Арест в рамках «Академического дела» и ссылка в Енисейск (1929–1935 гг.) [Простоволосова, Румянцева 1991, с. 209–211; Тихонов 2023, с. 349–354; Простоволосова, Станиславский 1990, с. 14–35, 48–49] стали одной из причин, «отвернувшей» А.И. Андреева от дипломатики,

в чем он признавался в одном из писем¹ московскому коллеге Александру Николаевичу Сперанскому [Каменцева, Простоволосова 1994, с. 162–164; Середа 1981, с. 236–243; Черепнин 1974, с. 16; Черепнин 2015, с. 156–157], профессору Московского историко-архивного института, основателю и первому заведующему кафедрой вспомогательных исторических дисциплин. К слову, преемником А.Н. Сперанского на посту заведующего кафедрой стал впоследствии именно А.И. Андреев.

А.И. Андреев и А.Н. Сперанский, как и их учителя А.С. Лаппо-Данилевский и С.Б. Веселовский, были представителями двух упомянутых выше направлений дипломатики и оба чрезвычайно много сделали для развития дисциплины, в том числе в деле преподавания. Их переписка, сохранившаяся в Архиве РАН в фонде А.Н. Сперанского (Ф. 1935) и Санкт-Петербургском филиале архива в фонде А.И. Андреева [Ананьев 2011, с. 49–57], имеет особое историографическое значение.

Хронологические рамки хранящихся в фонде А.Н. Сперанского (АРАН) писем следующие – самое раннее датируется 25 апреля 1929 г., последнее – 11 ноября 1942 г. Знакомство историков произошло еще раньше, как и начало ведения переписки – в первом сохранившемся письме А.Н. Сперанскому А.И. Андреев отвечает на вопрос, заданный ранее, относительно дипломатики и принципов ее преподавания, делится положением дел в научном сообществе в Ленинграде; предупреждает о следующем приезде в Москву и с теплотой отзывается о времени, ранее проведенном в компании Александра Николаевича и его супруги Ксении Ивановны.

Среди 21 письма, в числе которых 1 поздравительная телеграмма, для публикации нами были отобраны 3 письма, связанные с дипломатикой – одной из «точек соприкосновения» научных интересов и жизненных взглядов петербургского и московского историков.

Документы публикуются впервые, в публикации расположены по хронологии, каждое письмо имеет свой порядковый номер. Передача текстов документов осуществлена в соответствии с «Методическими рекомендациями по публикации архивных документов в печатном виде» (2023).

Письма написаны на сложенных листах с оборотом, местами помятых и порванных. Значительная часть текстов имеет подчеркивания и чернильные пятна. Первое письмо написано черными чернилами, следующие два – фиолетовыми.

При публикации по подлинникам разделение близко расположенных друг к другу слов, а также устранение явных опечаток в словах и незначительных орфографических и пунктуационных (запяты, тире) ошибок производилось в тексте документа без оговорок. Зачеркнутые отдельно написанные буквы в тексте письма не воспроизводились. Абзацы в случае их отсутствия расставлялись по смыслу.

¹ АРАН. Ф. 1935. Оп. 1. Д. 77. Л. 20.

№ 1

Ленинград, 25.IV.29.

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

По интересующему Вас вопросу о моей программе по дипломатике могу сообщить кратко. Когда я преподавал в Унив[ерситете], состав студентов все же был таков, что я клал в основу своих бесед с ними тот план, который имел в виду А.С. Лаппо-Данилевский² в своем «Очерке русской дипломатики»³, но привлекал к делу не только частные, но главн[ым] образом публичные акты. Думаю, что мне все же удавалось раз[ъяснить] сущность работы над любым письменным источником (интерпретация и критика) и те специальные приемы, которые применимы к изучению документов (главн[ым] образ[ом] дипломатический анализ). С тем, чтобы не пугать древностью, я брал примеры из новейшей истории, XVIII–XIX вв.; один раз даже разбирал «Письмо Зиновьева»⁴ ⁵...

Не знаю, какова теперь аудитория, но думаю, что наука (в данном случае, дипломатика) должна преподноситься и этой аудитории в надлежащем виде; а потому и ей бы попытался рассказать о том, что составляет все же основное в дипломатике – формуляр, клаузулы, их эволюция и т. п. Из иностранных сочинений по дипломатике главнейшими являются: Giry⁶, Manuel de diplomatique (1894, но недавно (1927?) вышло второе издание); Harry Bresslau⁷, Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien, I-er Band, 2-te Aufl[age]. Leipz[ig]. 1912; II-ter Band, I-te Abteilung, 2-te Aufl[age]. Leipz[ig]. 1915. – Urkundenlehre I. und II Teil: Grundbegriffe Königs- u[nd]. Kaiserurkunden von Dr. R. Thommen⁸; Papsturkunden von Dr. L. Schmitz-Kallenberg⁹.

² Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919) – историк, ординарный академик Санкт-Петербургской АН (1905).

³ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов: Лекции, читанные слушателям «Архивных курсов» при Петроградском Археологическом институте в 1918 году. Пг., 1920. См. переиздание с испр. и доп. Е.А. Ростовцева: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. СПб., 2007.

⁴ Зиновьев Григорий Евсеевич (1883–1936) – революционер, советский политический и государственный деятель.

⁵ Здесь и далее в тексте письма слова, выделенные курсивом, – кроме подписи А.И. Андреева в конце письма – подчеркнуты в тексте документа красным карандашом.

⁶ Жан-Мари-Жозеф-Артур Жири (Jean-Marie-Joseph-Arthur Giry) (1848–1899) – французский историк, исследователь средневековой Франции.

⁷ Гарри Бресслау (Bresslau Harry) (1848–1926) – немецкий историк, профессор.

⁸ Рудольф Томмен (Rudolf Thommen) (1860–1950) – швейцарский историк, краевед, профессор.

⁹ Людвиг Шмитц-Калленберг (Ludwig Schmitz-Kallenberg) (1867–1937) – немецкий архивист, историк Вестфалии.

2[-te] Aufl[age]. 1913 (= Grundriss der Geschichtswissenschaft, h[e]r[au]sgeg[eben]. von Aloys Meister¹⁰, B[and]. I, Abt[eilung]. 2). – Dr. R. Heuberger¹¹, Allgemeine Urkundenlehre für Deutschland u[nd]. Italien, Leipz[ig].–Berl[in]. 1921 (= Grundriss der Geschichtswissenschaft, Reihe I, Abt[eilung]. 2a). – Dr. F. Philippi¹², Einführung in die Urkundenlehre des deutschen Mittelalters, Bonn–Leipz[ig]. 1920 (= Bücherei der Kultur u[nd]. Geschichte, B. 3) – и др.

О Ваших московских делах кое-что слышал от прежних академиков. Все же смерть М.М. Богословского¹³ заслоняет все другие дела. Известие о ней пришло сюда в момент подготовки к очередной сессии и связанной с ней суетой и волнениями. И другое обстоятельство отвлекало внимание – возвращение из заграницы А.Е. Преснякова¹⁴: он не только не поправился, но болезнь (рак языка) еще ухудшилась; вновь положили его в больницу, – и мало надежды на его¹⁵ выздоровление.

Обстоятельства переменчивы: теперь мы ожидаем к себе. Был тут у нас А.И. Яковлев¹⁶, а сегодня получили письмо от С.Б. Веселовского¹⁷ о том, что собирается с докладом к нам в начале мая. В субботу у нас в Комиссии читает К.В. Базилевич¹⁸.

В Москву собираюсь в 20-х числах мая, на архивный съезд¹⁹. Весьма благодарю за ласковые приглашения. Вспоминаю с большим удовольствием те дни в декабре, которые провел у Вас. Очень благодарю и Вас, и Ксению Ивановну²⁰ за доброе отношение, о котором вспоминаю нередко. Шлю Вам и Ксении Ивановне сердечный привет и желаю всего доброго.

А. Андреев

РАН. Ф. 1935. Оп. 1. Д. 77. Л. 1–2. Подлинник. Автограф.

¹⁰ Алоис Мейстер (Aloys Meister) (1866–1925) – немецкий историк.

¹¹ Ричард Хойберг (Richard Heuberger) (1884–1968) – австрийский историк, профессор.

¹² Густав Фридрих Детмар Филиппи (Gustav Friedrich Dettmar Philippi) (1853–1930) – немецкий архивист и историк.

¹³ Богословский Михаил Михайлович (1867–1929) – историк, академик РАН (1921), член-корреспондент (1920).

¹⁴ Пресняков Александр Евгеньевич (1870–1929) – историк, член-корреспондент РАН (1920, АН СССР с. 1925).

¹⁵ Слово вписано черными чернилами над строкой с указанием места вставки в текст рукой А.И. Андреева.

¹⁶ Яковлев Алексей Иванович (1878–1951) – историк, член-корреспондент АН СССР (1929).

¹⁷ Веселовский Степан Борисович (1876–1952) – историк, археограф, профессор Московского государственного университета (1938–1941), академик АН СССР (1946).

¹⁸ Базилевич Константин Васильевич (1892–1950) – историк, профессор (1935).

¹⁹ V съезд Советов: Стенографический отчет. М., 1929. 633 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/010006726912> (дата обращения 05.03.2024).

²⁰ Сперанская Ксения Ивановна (1896–1938) – жена Сперанского Александра Николаевича.

№ 2

Ленинград 30.V.39 г.

Дорогой Александр Николаевич,

Письмо получил. Писал на днях Н.В. У[стюгов]ву²¹ и бранил Вас, что не зашли ко мне, когда были здесь. Не помню, чтобы У[стюгов]вы сообщили мне о Вашем внеплановом отъезде.

Живем местными нашими интересами. Изредка видим людей из столицы, приехавших из научного центра. Обо многом на историческом фронте слышим лишь случайно, т. к. «генералы» не пишут, очень заняты, по-видимому, а до провинции доходят лишь обрывки фактов, на основании которых на досуге гадаем... Но все же несмотря на то, что живем на проселочной дороге, кое-что делаем на пользу той науки, для которой *трудятся «генералы»* типа Б. Г[рекова]²², с которым именно в эти дни конца мая десять лет тому назад дружески разделяли пол в комнате гостеприимного нашего тогдашнего хозяина. Сколько с тех пор перемен... С означенной высокой персоной отношения «сложные»: *он по-прежнему усердно устраивает меня в разные научные учреждения, за исключением Инст[итута]. ист[ории]., куда мне дороги при нем заказаны. Но я не унываю от такого отношения моего старого друга и продолжаю упорно работать.*

Я писал Вам (или говорил при встрече), что к началу января закончил вып[уск] 1-й «Очерков по источниковед[ению] Сибири»²³; в ближайшие дни рукопись, уже прошедшая через соответствующую издательскую обработку, поступает в типографию. Написал после января еще две больших статьи на сибирские темы, из них одна пойдет летом в набор. Упомянутые выше «Очерки» продолжаю и летом закончу половину 2-го выпуска²⁴. Между тем закончил подготовку третьего тома «Ист[ории] Сиб[ири]» Миллера²⁵, и уже на полпути к окончанию 4-го тома. С печатанием Миллера дело плохо из-за отсутствия в академ[ическом] издат[ельств]е бумаги, но все же обещают пустить в работу 2-й том летом, а я надеюсь этого добиться.

²¹ Устюгов Николай Владимирович (1896/1897–1963) – историк, специалист по истории феодальной России.

Здесь и далее в тексте письма слова, выделенные курсивом, – кроме подписи А.И. Андреева в конце письма, – подчеркнуты в тексте документа двумя линиями фиолетовым карандашом.

²² Греков Борис Дмитриевич (1882–1953) – историк, общественный деятель, член-корреспондент АН СССР (1934), академик (1935).

²³ Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Л., 1939. 184 с.

²⁴ Андреев А.И. Очерки источниковедения Сибири. Вып. 2. XVIII век (первая половина). М.–Л. 1965. 365 с.

²⁵ Миллер Герхард Фридрих (1705–1783) – русско-немецкий историограф, естествоиспытатель и путешественник. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 3. М., 2005. 605 с.

Прочел в Инст[итуте] нар[одов] Сев[ера] курс по источниковед[ению] Сибири XVII–XX вв.²⁶ Кажется, никогда такой курс не читали, а потому работать пришлось много; конечно, многое из него будет использовано для «Очерков», которые намерен довести до конца (т. е. до 1917 г.). Имею аспирантов в ИНС²⁷, произведения как своих, так и чужих питомцев читаю усердно; особенно много в последние недели читал; т. к. это преимущественно произведения на сибирские темы, то и сам учусь на них и вижу, как руководят наши другие специалисты в этой области.

Состою консультантом в подготавливаемом Инстит[утом]. этнографии четырехтомнике «Народы СССР»²⁸; под моим наблюдением и руководством этнографы пишут статьи о народах Сибири (в части исторической). После долгих переговоров, примериваний и т. п., наконец, вверено мне руководство группой почтенных историков, готовящих «Историю Акад[емии]. Наук»²⁹; работа поставле[на]³⁰ на рельсы, и впечатления сторонние сводятся к том[у]³¹, что дело на этот раз даст результаты, с чем и я согласен. Сам я пишу для «Истории» две главы (конец XVIII в. и 1855–1889 гг.). Надеюсь к концу года представить по начальству первые пять глав (начала XIX в.), а к июлю 1940 г. и все остальное. Многие не верят в такой план, а я хочу его выполнить. Ну, вот Вам краткий отчет о моих работах по 1 июня с[его] г[ода].

В ближайшие недели жду выхода в свет двух своих работ о Крашенинникове³² и статьи-доклада, читанного го[д] тому на сессии Инст[итута] этногр[афии]; надеюсь прислать Вам оттиски. – Среди слухов, которые здесь гуляют, имеется такой: А.Н. С[перански]-й дал отрица[ельный]. отзы[в]³³ о произведениях В[веденского]. по дипломатике; из письма Ва[шего]³⁴ не вид-

²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 934. Оп. 1. Д. 478.

²⁷ Аббревиатура – «Институт народов Севера».

²⁸ Существует справочник, выпущенный после переписи населения, в котором, однако, нет статей о народах Сибири – Народы СССР: Краткий справочник. М.–Л., 1958. 44 с.

Существует труд о народах мира, но А.И. Андреев не указан среди составителей или редакторов, даже если и принимал участие в создании раздела о Сибири – Народы Европейской части СССР. Т. 2 // Народы мира. Этнографические очерки. М., 1964. 945 с.

²⁹ История Академии наук СССР: в трех томах. М.–Л., 1958–1964.

³⁰ В месте написания последних двух букв лист надорван. Восстановлено по смыслу.

³¹ В месте написания последней буквы лист надорван. Восстановлено по смыслу.

³² Крашенинников Степан Петрович (1711–1755) – русский ботаник, этнограф, географ, путешественник, естествоиспытатель, исследователь Сибири и Камчатки, академик Петербургской АН (1750).

³³ В месте написания последних двух букв стерты чернила. Восстановлено по смыслу.

³⁴ В месте написания последних четырех букв лист надорван. Восстановлено по смыслу.

но, что слух верен; но очень прошу прислать в[скоре]³⁵ несколько строк на тему о В[веденском]. Его произведение прислано в ЛГУ³⁶; тамошние специалисты по дипл[оматике]. Валк³⁷ и Ч[аев]³⁸ решают вопрос о возможности [допуска]³⁹ диссертаци[и]⁴⁰ к защите, но еще окончательно не решили, хотя В[веденский] бомбардирует их телеграммами, а осенью уже намечает свою докторскую защиту. Так как дело сие представля[ет]⁴¹ интерес для ист[ории]. дипломатики в СССР, то на[пи]шите⁴², в какой мере *Вы замешаны в нем...*

В июне мне, кажется, придется съездить в Москву, и я надеюсь увидеть Вас; если Вас не будет в городе, оставьте свой адрес, а еще лучше напишите его в очередном письме, которое надеюсь получить на-днях. Всего доброго и хорошего Вам.

Получил ли У[стюгов]. мое письмо? *Как прошла защита Т[ихомирова]*?⁴³
Будьте здоровы. Пишите.

АА

РАН. Ф. 1935. Оп. 1. Д. 77. Л. 17–18. Подлинник. Автограф.

№ 3

Ленинград 13.XI.39.

Дорогой Александр Николаевич,

Письмо Ваше от 5-го с[его] м[есяца]. неожиданно получил. По Вашему обыкновению Вы пишете редко и всегда по какому-нибудь чрезвычайному случаю. На этот раз их два. Первый – Ваш проект писать докторскую диссертацию. Что ж сказать – дело доброе; весь вопрос – когда же Вы будете ее писать, если нет у Вас времени на более мелкие писания. Избранная тема – прекрасна, но едва ли осуществима в один год. Почему-то до сих пор она не удостоилась разработки... Я же полагаю, что при современном положении

³⁵ В месте написания последних пяти букв лист надорван. Восстановлено по смыслу.

³⁶ Аббревиатура – «Ленинградский государственный университет».

³⁷ Валк Сигизмунд Натанович (1887–1975) – историк, археограф, архивист, библиограф, д.и.н. (1936), профессор (1946).

³⁸ Чаев Николай Сергеевич (1897–1942) – историк, к.и.н. (1935), профессор.

³⁹ Слово написано неразборчиво. Предположительно «допуска».

⁴⁰ Последние буквы написаны неразборчиво. Восстановлены по смыслу.

⁴¹ В месте написания буквы лист надорван. Восстановлено по смыслу.

⁴² В месте написания двух букв лист надорван. Восстановлено по смыслу.

⁴³ См.: Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.–Л., 1941. 254 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/22085-tihomirov-m-n-issledovanie-o-russkoy-pravde-proishozhdenie-tekstov-m-l-1941#mode/grid/page/1/zoom/1> (дата обращения 07.03.2024). Тихомиров Михаил Николаевич (1893–1965) – историк-славист, источниковед, специалист в области истории и культуры России X–XIX вв. Д.и.н. (1939), профессор, академик АН СССР (1953), член-корреспондент (1946).

изучения приказов (нет ни одной настоящей монографии по какому-либо большому приказу, напр., Поместному) ставить общую тему невозможно, надо начинать с другого – изучить какой-нибудь один или несколько одинаковых приказов (напр., территориальных) и затем уже пускаться в обобщения... Из всего этого вывод – не советую брать тему, намечаемую Вами, в один год ее не обработаешь...

Второй случай, который заставил Вас писать мне – открытие, что среди здравствующих дипломатистов (т. е. занимающихся дипломатикой) имею я, который до 1929 г. занимался дипломатикой; может быть, можно меня вновь приспособить для написания того очерка по дипломатике, который Вы почему-то не написали и даже с отчаянием заявляете, что не напишите. Скажу, что последнее печально, т. к. в 1929–1939 гг. русская дипломатика была представлена только Вами и С.Н. В[алко]м (В[веденско]го⁴⁴ я не беру в расчет, т. к. написанный им орус по истории русской дипломатики не увидит света и сохранится в рукописи). Валк весьма занят и спокойно зрит на то, что аспиранты ЛГУ не имеют элементарных представлений по дипломатике (случай, обнаруженный мною на одном диспуте в ЛГУ в июне 1939 г.), хотя дисциплина сия числится за ним, правда, ее не читающим. А теперь вот и Вы, единственный московский дипломатист, уклоняетесь от написания весьма нужного и полезного пособия, и обращаетесь ко мне, который уже 10 лет ни строчки не написал по дипломатике и по совету и мудрому указанию В.В. Макс[ако]-ва⁴⁵ был отстранен от этой науки, кажется, в Вашем присутствии. Не могу⁴⁶ принять Ваше предложение и вместе с Вами скорблю о том, что нет до сих пор хорошего пособия по дипломатике. Думаю, что вина лежит на тех, кто сию науку лелеет в последние годы... Надо, дорогой мой, собраться с силами и сделать нужное и полезное дело.

С интересом прочел известия Ваши о выходе в свет работ Д.С. Бабурина⁴⁷ и А.А. Шилова⁴⁸. По обычаю не могу не попросить Вас достать их мне, но боюсь, что при Вашей занятости Вы не успеете это сделать, и книги разойдутся...

⁴⁴ Введенский Андрей Александрович (1891–1965) – историк, д.и.н. (1946), профессор кафедры архивоведения и вспомогательных исторических дисциплин Киевского университета (1951).

⁴⁵ Максаков Владимир Васильевич (1886–1964) – историк-архивист, участник революционного движения в Российской империи.

⁴⁶ Здесь и далее в тексте письма слова, выделенные курсивом, – кроме подписи А.И. Андреева в конце письма – подчеркнуты в тексте документа красным карандашом.

⁴⁷ Бабурин Д.С. Очерки по истории Мануфактур-коллегии. М., 1939. 392 с. Бабурин Дмитрий Сергеевич (1909–1982) – историк, к.и.н. (1939), профессор (1961), майор.

⁴⁸ Шилов А.А. Руководство по публикации документов XIX в. и начала XX в. М., 1939. 192 с. Шилов Алексей Алексеевич (1881–1942) – историк, археограф, архивист, библиограф.

Реформу в Вашей комнате приветствую, но когда воспользуюсь ею, не знаю, – может быть, тогда, когда по воле начальства поеду в Москву защищать свою докторскую диссертацию (после многочисленных перемен сегодня намечено, что это будет в Инст[итуте] ист[ории] в янв[аре].-февр[але]. 1940 г., тема книги уже написанной – Очерки по источниковед[ению]. Сибири XVII – первой полов[ины]. XVIII в., часть 1-я печатается, ч. 2-я в рукописи).

Сам я по-прежнему много работаю, в данное время над главой по истории Акад[емии] Наук (АН в последние 20 лет XVIII в.), – это коллективный труд, создаваемый Комиссией по истории Акад[емии] Наук, где я и автор, и редактор, и консультант. Двигаю также свои «Очерки», за которые надеюсь получить степень. Читаю в Инст[итуте] нар[одов] Севера; имею 4-х аспирантов, которыми руковожу; работаю в Инст[итуте] Этногр[афии] по редактир[ованию] исторических очерков о народах Сибири; изредка появляюсь в здешнем отдел[ении]. Инст[итута] ист[ории], где никакой работы не имею...

Вот и все. Устаю, как и все, но духом не падаю и надеюсь, что еще много напишу. – «Ист[ория] Сиб[ири]» Миллера стоит, как вкопанная, свыше 1½ лет, но когда-нибудь двинется; том третий давно уже готов, а 4-й наполовину... О Тат[ище]ве⁴⁹ ничего не слышно, но он тоже когда-нибудь пойдет...

Будьте здоровы и бодры. Всего Вам хорошего.

АА

АРАН. Ф. 1935. Оп. 1. Д. 77. Л. 19–20. Подлинник. Автограф.

Литература

- Ананьев 2011 – Ананьев В.Г. Александр Николаевич Сперанский: материалы к научной биографии // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. № 12 (74). С. 49–57.
- Андреев 1916а – Андреев А.И. Краткий очерк деятельности Кружка по составлению каталога частно-правовых актов до-Петровской Руси // Сборник статей, посвященных А.С. Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916. С. 1–7.
- Андреев 1916б – Андреев А.И. Отступные грамоты. К истории крестьянского землевладения на Севере в XVI в. Пг., 1916. 53 с.
- Андреев 1920 – Андреев А.И. О подложности жалованной грамоты Печенгскому монастырю 1556 г. // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 133–157.
- Каменцева, Простоволосова 1994 – Каменцева Е.И., Простоволосова Л.Н. Основатель кафедры вспомогательных исторических дисциплин Александр

⁴⁹ Андреев А.И. В.Н. Татищев. Избранные труды по географии России. М., 1950. 248 с.

Татищев Василий Никитич (1686–1950) – русский инженер-артиллерист, историк, географ, экономист и государственный деятель.

- Николаевич Сперанский (1891–1943) // Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации. М.: РГГУ, 1994. С. 157–169.
- Каштанов 1988 – *Каштанов С.М.* Русская дипломатика. М., 1988. 229 с.
- Комочев 2009 – *Комочев Н.А.* Теоретические вопросы дипломатики в трудах А.С. Лаппо-Данилевского // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2009. №. 4. С. 91–99.
- Комочев 2013 – *Комочев Н.А.* Методика дипломатического анализа в трудах школы А.С. Лаппо-Данилевского // Клио. Журнал для ученых. 2013. № 12 (84). С. 16–19.
- Простоволосова, Румянцева 1991 – История вспомогательных исторических дисциплин. Сборник документов и материалов / Сост. Л.Н. Простоволосова, М.Ф. Румянцева. М., 1991. 400 с.
- Простоволосова, Станиславский 1990 – *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин: Учеб. пособие. М., 1990. 71 с.
- Середа 1981 – *Середа В.Н.* Материалы о преподавании вспомогательных исторических дисциплин в фонде А.Н. Сперанского // Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981. С. 236–243.
- Тихонов 2023 – *Тихонов В.В.* Записка А.И. Андреева о координации работы в области вспомогательных исторических дисциплин между Московским Историко-архивным институтом и Институтом истории АН СССР (1943 г.) // Археографический ежегодник за 2014–2015 гг. М., 2023. С. 349–354.
- Черепнин 1974 – *Черепнин Л.В.* Русская палеография и другие вспомогательные исторические дисциплины // Проблемы палеографии и кодикологии. М.: Наука, 1974. С. 8–29.
- Черепнин 2015 – *Черепнин Л.В.* Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения. Т. 1 / Сост., общ. ред. В.Д. Назарова. М.: Языки славянской культуры, 2015. 400 с.

Д.А. Бакланов

В.Г. Белинский в представлениях
американских русистов конца 1940-х – начала 1960-х гг.:
миф внутри мифа?

В статье рассматриваются труды американских русистов, посвященные фигуре выдающегося русского мыслителя и литературного критика В.Г. Белинского. Автор проводит комплексный анализ трактовок американских историков конца 1940-х – начала 1960-х гг. в контексте идеологического противостояния времен холодной войны, в тесном переплетении с интерпретацией интеллектуального наследия «неистового Виссариона» в советской историографии. Выделяются схожие моменты и принципиальные расхождения между советскими и американскими исследователями в их взглядах на место В.Г. Белинского в развитии социально-политической мысли и революционных идей в России второй половины XIX – начала XX в. Особый акцент сделан на проблеме периодизации интеллектуальной биографии русского критика и структурных особенностях т. н. мифа Белинского. Кроме того, выявляются различия в трактовках американских историков (И. Берлина, М.М. Карповича, Г. Боумана, М. Малиа и др.), обусловленные как исследовательскими целями каждого из них, так и более глубокими концептуальными построениями.

Ключевые слова: В.Г. Белинский, американская русистика, интеллектуальная история, советская историография, И. Берлин, М.М. Карпович

Геополитические потрясения второй половины 1940-х гг., связанные с началом холодной войны и обрушением «железного занавеса», потребовали от историков и иных представителей социогуманитарного знания принципиально нового осмысления ряда проблем и вопросов. Само собой, на острие идеолого-политической пирамиды оказались специалисты в области российской и американской истории по обе стороны баррикад – в США и СССР соответственно.

История развития социал-демократии и ее истоков в Российской империи являлась одной из приоритетных и востребованных тем в советской исторической науке. В различные периоды пантеон «титанов» в последовательной линии этого процесса пополняли и покидали

различные ее представители – как конкретные персоналии, так и полноценные политические течения. Например, народники после издания Краткого курса истории ВКП(б) на несколько десятилетий из этого процесса выпали, а определенное «потепление» в «народниковедении» проявилось лишь после XX съезда КПСС в 1956 г. [Тюкачев 2013, с. 221–240].

На советскую историографию 1930-х – начала 1950-х гг., тесно взаимосвязанную с идеологическим климатом, неизменно оказывали влияние различные доклады, постановления лидеров партии и непосредственно И.В. Сталина. Разумеется, нельзя игнорировать и юбилеи, которые способствовали активизации исследовательского интереса к тем или иным сюжетам. В случае с В.Г. Белинским были задействованы оба фактора. С одной стороны, во второй половине 1930-х гг. наметился определенный идеологический поворот в восприятии русского культурного наследия. Так, например, в противовес Н.И. Бухарину, критически высказавшемуся в отношении культуры России в дореволюционный период, в публикации газеты «Правда» за 1936 г. был выдвинут целый авангард выдающихся русских «гигантов» художественного творчества и научной мысли: В.Г. Белинский стал в один ряд с А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым, А.И. Герценом, Д.И. Менделеевым, И.М. Сеченовым и др. [Тихонова 2009, с. 239]. В 1941 г. на праздновании 24-й годовщины Октябрьской революции лично И.В. Сталин с некоторой корректировкой назовет эти же имена [Тихонова 2009, с. 239]. С другой стороны, столетие со дня кончины Белинского в 1948 г. придало дополнительный импульс в исследовании его биографии и творческой активности. Эти «внешние» составляющие оформили то, что потом назовут «мифом Белинского». Создание этого самого мифа Е.Ю. Тихонова – один из главных специалистов-«белинсковедов» уже на современном этапе отечественной историографии – относит к периоду второй половины 1930-х – 1950-х гг. [Тихонова 2009, с. 208–209].

Востребованность Белинского, а вместе с тем гибкость и эластичность репрезентации его социально-политических взглядов, если не в марксистском, то, по меньшей мере, в революционно-демократическом русле подчеркивает то обилие высказываний высшего советского руководства (В.И. Ленина, С.М. Кирова, М.И. Калинина, А.А. Жданова, И.В. Сталина) о Белинском, которое в своей книге привел В.Е. Иллерицкий [Иллерицкий 1953, с. 7–9].

История общественной мысли обрела свою особую форму в исследованиях американских русистов. Речь идет об «интеллектуальной истории» – пожалуй, наиболее востребованном направлении первых десятилетий холодной войны. О причинах популярности именно этого направления можно говорить много, но представляется, что три из них наиболее существенны: 1) ограниченность источниковой

базы по конкретно-историческим сюжетам; 2) широкий круг ранее не изученных проблем, в т. ч. находящихся в непосредственной близости к проблеме «генезиса большевизма»; 3) популярность на Западе истории мысли в целом.

Применительно к американской русистике нельзя пройти мимо М.М. Карповича – профессора Гарвардского университета (с 1946 г.), с чьим именем и связано становление интеллектуальной истории внутри дисциплины. Конечно, Карпович не был единоличным ментором для того поколения молодых русистов (Р. Пайпс, М. Малиа, М. Раев, Н. Рязановский и др.), которое сформировалось уже в послевоенные годы. Важную роль в становлении историков сыграл и знаменитый британский философ, выходец из Российской империи – Исайя Берлин, регулярно приезжавший в Гарвард на рубеже 1940–1950-х гг.

Фигура В.Г. Белинского здесь неслучайна. О жизни и творчестве выдающегося мыслителя и литературного критика писали тогда очень много в первую очередь в СССР, а затем уже и США. На бурный всплеск публикационной активности со стороны советских историков и литературоведов обратил внимание Г.П. Струве, сын П.Б. Струве, и составил библиографический сборник работ о Белинском за один лишь 1948 год¹.

При этом в период 1948–1949 гг. наблюдался небольшой всплеск англоязычных публикаций о Белинском². Надо сказать, что этот всплеск сложно отнести к числу «ответных» по отношению к трактовкам советских гуманитариев. Скорее внимание к Белинскому было обусловлено общим интересом к России и ее прошлому в послевоенные годы и, разумеется, столетним юбилеем со дня смерти мыслителя. В целом данные статьи сводятся к общему описанию заслуг Белинского в первую очередь на поприще литературной критики. Так, Г. Гиффорд заключает:

...Его [Белинского] влияние на свое поколение было глубоким, и оно не прекращается и сегодня. Он является незаменимым путеводителем по литературе своего времени³.

Б. Мальник представляет более сложный взгляд на Белинского, отмечая колоссальное влияние его идей на Н.А. Добролюбова, затем Г.В. Плеханова и В.И. Ленина и, наконец, М.А. Горького⁴.

¹ *Struve G. A Belinsky Centenary Bibliography: An Annotated List of 1948 Publications // The Slavonic and East European Review. 1949. Vol. 27. № 69. P. 546–555.*

² *Gifford H. Belinsky: One Aspect // The Slavonic and East European Review. 1948. Vol. 27. № 68. P. 250–258; Malnick B. V.G. Belinsky // The Slavonic and East European Review. 1949. Vol. 27. № 69. P. 363–380.*

³ *Gifford H. Op. cit.*

⁴ *Malnick B. Op. cit.*

Исайю Берлина же и вовсе можно назвать одним из пионеров «белинсковедения» на Западе. Впервые философ обратился к фигуре Белинского в 1947 г., на тот момент еще не будучи связанным с Гарвардом (он получит приглашение в том же году, а в статусе преподавателя в стенах университета впервые будет трудиться в весеннем семестре 1948–1949 уч. г.) [Трибунский 2020, с. 375–376]. Примечательно, что статья (первоначально Берлин представил ее в виде лекции, которая была прочитана в ходе радиопередачи) о Белинском стала первой для него после продолжительного затишья в его научной деятельности, продолжавшегося с 1940 г. Данный факт весьма показателен и позволяет говорить не только об одном лишь исследовательском интересе со стороны Берлина, но и определенном идеолого-политическом запросе в контексте международной напряженности тех лет. В наиболее полном объеме взгляды Берлина на Белинского были воплощены в масштабном эссе, опубликованном в сборнике «Русские мыслители»⁵.

Исайя Берлин, вне всякого сомнения, был знаком с массивом советских трудов о Белинском периода второй половины 1930-х – начала 1950-х гг. Об этом свидетельствуют многочисленные упоминания коллег по ту сторону океана.

В Советском Союзе почетное место среди классиков ему обеспечено государством... <...> ...Белинский, неустанно боровшийся против догмы и приспособленчества, уже давно канонизирован как отец-основатель новой формы жизни, – констатировал Берлин (Berlin, p. 153).

В то же время он писал, что на Западе «нравственные и политические вопросы, занимавшие Белинского при жизни, остаются нерешенными донныне» (Berlin, p. 153). Тем самым подчеркивалось, что к анализу творческого наследия русского критика нужно подходить контекстуально, исходя из его личной интеллектуально-биографической траектории и того фона, на котором эта траектория разворачивалась.

Берлин критикует уже ставшее привычным разделение творческого пути мыслителя на три этапа: «Прилежные биографы стараются разделить умственное развитие Белинского по крайности на три четко обозначенных периода...» (Berlin, p. 163). Надо сказать, что вышеописанный подход восходит к трактовке Г.В. Плеханова – помимо всего прочего, одного из первых исследователей творчества Белинского в целом. Согласно Плеханову, на первом этапе Белинский «жертвовал действительностью ради идеала», на втором – «идеалом ради дей-

⁵ Berlin I. Russian Thinkers. London: The Hogarth Press, 1978. (Здесь и далее отсылки на это издание даны в тексте в круглых скобках, с указанием фамилии автора и страницы.)

ствительности», а на третьем – «он стремился примирить идеал с действительностью посредством идеи развития, которая дала бы идеалу прочное основание и превратила бы его из “абстрактного” в конкретный»⁶. Кроме того, русским марксистом были намечены и те влияния немецкой, прежде всего идеалистической философии, которые испытал Белинский. Плеханов ставил перед собой задачу с марксистских позиций представить историю русской общественной мысли, вместе с тем проследив созревание социалистических идей, отводя Белинскому весьма важную роль в этом процессе. По мысли Плеханова, критик в конечном счете разочаровался в учении утопического социализма и все же не смог или не успел в полной мере дорасти до марксизма в николаевской России. Несмотря на это, Белинский в представлении Плеханова стал одним из наиболее ярких «предшественников русского марксизма» [Бурсов 1948, с. 99].

Трактовка Г.В. Плеханова, в т. ч. введенная им периодизация творчества Белинского, уже после «бума» 1948–1949 гг. была подвергнута критике в трудах советских историков начала 1950-х гг. Так, В.Е. Иллерицкий писал:

Непонимание столь важных вопросов приводило Плеханова к извращениям в оценке социальных и идейных истоков мировоззрения революционных демократов, к загушевыванию классовой сущности их идеологии, к отрицанию ее самостоятельности и к изображению великих русских мыслителей в качестве послушных учеников западноевропейских, главным образом немецких, философов. Так, Белинский по схеме Плеханова являлся будто бы сначала последователем Шеллинга, затем Фихте и Гегеля и, наконец, Фейербаха. Эти ложные меньшевистские установки Плеханова должны быть решительно отвергнуты советскими исследователями [Иллерицкий 1953, с. 12].

Здесь следует сделать небольшое отступление и сказать о том, что Белинским активно занимались и в Российской империи. Один из классиков истории общественной мысли А.Н. Пыпин и вовсе собрал работы и многочисленные письма мыслителя [Пыпин 1908] (от Пыпина же во многом отталкивался Плеханов [Бурсов 1948, с. 94]). Кроме того, Белинский по праву считался нравственным ориентиром далеко не только для одних русских социалистов, но и для интеллигентов различного политического толка.

Возвращаясь к Исае Берлину, отметим, что тот отказывался от выделения каких-либо строго очерченных периодов эволюции воз-

⁶ Плеханов Г.В. Белинский и разумная действительность // В.Г. Белинский: pro et contra. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2011. С. 815–830.

зрений Белинского – его интеллектуальный путь виделся исследователю гомогенным, внутренне обусловленным. Однако при этом в процессе повествования вырисовывались те изгибы, позволяющие выдвинуть предположение, что и сам Берлин, хоть и не обозначая это прямо, прослеживал определенную этапность в интеллектуальной глассе русского мыслителя.

Ревизионистский по отношению к советским трактовкам характер эссе подчеркивает и первоначальное название его выступления на радио в 1947 г. – «Человек, ставший мифом» (Berlin). Тезис о «мифе Белинского» переключался и в более поздние вариации исследования Берлиным его творчества. В этой связи важно отметить следующее: Берлин прослеживает формирование «мифа о Белинском» начиная со второй половины XIX в. (Berlin, p. 152), что было связано в первую очередь с комплексом социально-политических воззрений мыслителя, а если быть точнее – формой их выражения – бескомпромиссной, резкой, неистовой, но отнюдь не с основным родом его деятельности – литературного критика. Эта ремарка имеет важное значение по той причине, что интеллектуальное наследие Белинского в интерпретации Берлина упиралось в современную политико-идеологическую сущность, внутри которой первый играл немаловажную роль, а не в его сугубо «профессиональную принадлежность». С последней связано конструирование литературоведческого «мифа о Белинском» как пионере и монополисте русской критической мысли [Крылов 2011]. По приведенным Е.Ю. Тихоновой данным,

...в 1936 г. в связи со 125-летием рождения Белинского «Правда» писала: «Непримиримость Белинского, которого Ленин считал одним из предшественников русской социал-демократии, унаследовала ленинско-сталинская партия» [Тихонова 2009, с. 213].

Сам Берлин не отрицает того влияния, которое Белинский оказал на становление «движения, кончившегося в 1917 году разгромом общественного устройства» (Berlin, p. 152). Не отрицает философ и в большей степени материалистический уклон Белинского, отмечая лишь то, что он не был «оголтелым материалистом», а его «социальный» подход к критике был воспринят превратно и в последующем доведен до «примитивного утилитаризма» (Berlin, p. 178, 181).

Иначе говоря, И. Берлин не отделяет Белинского от единого интеллектуального процесса, в конечном счете приведшего к Октябрю 1917 г., но при этом подчеркивает, что как мыслитель он был гораздо сложнее и многограннее, чем его видели или хотели видеть советские авторы. Тем самым эссе Берлина предстает в парадоксальной роли: стремясь развенчать «миф о Белинском», Берлин, по сути, вносит свой вклад в его упрочение, но уже с другого фланга. «Миф о Белинском»,

таким образом, упирается в неверное истолкование политических и философских воззрений мыслителя советскими историками, а не в конечный результат, на пути к которому формировались поколения революционно настроенных интеллигентов и за который в т. ч. несла заочную «ответственность» и Белинский.

М.М. Карпович обращался к фигуре Белинского в своем курсе лекций по интеллектуальной истории России, который он читал в период 1947–1955 гг. [Карпович 2012]. Белинский сыграл важную роль в той концептуальной линии, которую выработал Карпович, став, по сути, воплощением всего западничества (в его лекциях фигурировал и П.Я. Чаадаев, но тот, скорее, был не конкретным представителем данного течения, а его «крестным отцом»). С точки зрения концептуального наполнения интеллектуальной истории России, этот момент представляется принципиально важным, поскольку антагонистам западников – славянофилам – ученый посвятил две полноценные лекции, в то время как Белинскому и, следовательно, всему западничеству была посвящена лишь одна с небольшим продолжением внутри лекции о Н.В. Гоголе. Между тем, как отмечает Е.Ю. Тихонова, «самый яркий представитель западничества в стадии его зарождения (т. е. Белинский) – в историографии 1940-х гг. западником не считался» [Тихонова 2009, с. 219].

В отличие от И. Берлина Карпович не отказался от выделения периодов в творчестве своего героя. Историк обозначил три таких этапа: 1) 1834–1837 гг. – «романтически-идеалистический, когда Белинский пытался выйти за пределы реальности...»; 2) 1838–1840 гг. – увлечение Гегелем и «попытка рационализации реальности»; 3) не обозначен конкретно, но, по всей видимости, с 1841 г. до смерти Белинского в 1848 г. – от «чистого отрицания» гегелевской модели и собственно «примирения с действительностью» к «социальности» [Карпович 2012, с. 122–126]. Так, очевидно, что Карпович в своей интерпретации во многом отталкивался от модели Плеханова.

Лекции Карповича в целом и о Белинском в частности были куда более последовательными и хронологически выстроенными, чем у И. Берлина. Карпович подходит к фигуре Белинского исторично, пытаясь охватить тот ареал интеллектуальных и социально-политических переплетений, в рамках которых разворачивалась деятельность мыслителя. Особенно ярко это прослеживается на фоне в большей степени художественной, по крайней мере, с точки зрения формы, интерпретации Берлина, что позволяло последнему допускать некоторые фактологические вольности. К примеру, он писал: «Белинский родился в 1810-м или 1811-м...», а «скончался то ли тридцати семи, то ли тридцати восьми лет от роду...» (Berlin, p. 153–155).

Нельзя не упомянуть монографию Герберта Боумана – «Виссарион Белинский (1811–1848): исследование истоков социальной крити-

ки в России»⁷. Г. Боуман последовательно подходит к анализу интеллектуального пути русского мыслителя, охватывая весь период его жизни и творчества. Автора в первую очередь интересует эволюция литературной критики, в т. ч. с привязкой к советскому настоящему, ее поворот к «социальности», а следовательно, и отношение к искусству в целом. Боуман приходит к выводу, что Белинский и его подход к критике прочно вписывались в общий социально-политический контекст эпохи, отвечая присущим в тот период государству и обществу «национальным проблемам» (Bowman, p. 207). По его мнению, Белинский не явился провозвестником русской социальной критики, а лишь стал ее наиболее крупным выразителем. Между тем ее истоки лежат «глубоко в культурной почве современной России» (Bowman, p. 13). Боуман соглашается с точкой зрения о том, что величие Белинского основывается скорее на «его силе праведного чувства, нежели его критической проницательности» (Bowman, p. 14).

Автор, по его собственным словам, избрал подход на стыке интеллектуальной истории и литературоведения (Bowman, p. VIII). Этот отчасти междисциплинарный синтез, по всей видимости, стал возможен в т. ч. благодаря М.М. Карповичу, признательность которому Боуман выражает в самом начале своей книги. Кроме того, он отмечает, что, несмотря на отсутствие финансовой поддержки от Центра русских исследований в Гарварде, участие Центра в создании монографии остается важным (Bowman, p. VIII). Впоследствии в хвалебном ключе о труде Боумана высказался и Карпович [Карпович 2012, с. 122]. Сама же книга была издана на кафедре сравнительного литературоведения в Гарварде.

Исайя Берлин в рецензии на труд Г. Боумана практически не уделяет внимания самой книге, лишь кратко отмечая ее достоинства, после чего погружается в дальнейшие рассуждения о Белинском, созвучные с его предшествующими изысканиями. Берлин отмечает общеевропейский, а следовательно, всемирный масштаб Белинского как литературного критика. Для нас особенно важно следующее утверждение философа:

Белинский остается одновременно и самой представительной, и самой притягательной фигурой в истории русской интеллигенции <...> Из-за того, что он слишком много и слишком часто учинял самого же себя, Белинский (как и Руссо) по сей день вызывает и самое яростное возражение,

⁷ *Bowman H. Vissarion Belinski (1811–1848): A Study in the Origins of Social Criticism in Russia.* Cambridge: Harvard University Press. 1954. (Здесь и далее отсылки на это издание даны в тексте в круглых скобках, с указанием фамилии автора и страницы.)

и самую слепую преданность. Его жизнь и творчество по-прежнему оказывают сильнейшее интеллектуальное влияние (не исключая марксизма) на эволюцию идей, кульминацией которой стало свержение царского режима⁸.

Так, Берлин подчеркивает колоссальный импульс Белинского в первую очередь как мыслителя в формировании того узла интеллектуальных противоречий XIX столетия, который в конечном счете стал катализатором роковых событий.

Более точечные упоминания Белинского мы можем найти у ученика И. Берлина и М.М. Карповича – М. Малиа [Malia 1965]. В фундаментальном труде об А.И. Герцене русский мыслитель был вплетен в широкий контекст не только интеллектуального становления главного героя, но и социалистического течения в России в целом. Для ученого Белинский по понятным причинам играл вспомогательную функцию, был одним из второстепенных персонажей его повествования. Примечательно, что, рассуждая об альтернативах развязки биографии Герцена – если бы тот не уехал за границу в 1847 г. – Малиа писал, что «он бы стал радикальным Грановским или двойником Белинского» [Malia 1965, p. 335]. Для Малиа было важно подчеркнуть схожие интеллектуальные и биографические траектории Белинского и Герцена, очертить пласт взаимовлияний и в то же время выгравировать те отличительные особенности воззрений Герцена, которые подготовили одну из крупнейших революций в интеллектуальной жизни Российской империи.

Так, на вторую половину 1940-х – начало 1960-х гг. пришелся наиболее интенсивный период в изучении жизни и творчества В.Г. Белинского как в Советском Союзе, так и на Западе. Историография 1940-х гг., в первую очередь советская, не могла уйти от ответа на вопрос, к какому социалистическому течению примыкал или готов был примкнуть Белинский. По верному замечанию Е.Ю. Тихоновой,

...конечно, не к зарождающемуся народничеству с его опорой на общину и надеждой, что Россия минует капитализм. Идеологические установки 1940-х гг. вообще исключали сопоставление Белинского с народниками [Тихонова 2009, с. 211–212].

Если, к примеру, тот же А.И. Герцен благодаря известной формуле В.И. Ленина⁹ удачно вписывался в стадияльное развитие соци-

⁸ Berlin I. The Furious Vissarion. Rev.: Bowman H.E. Vissarion Belinski, 1811–1848: A Study in the Origins of Social Criticism in Russia // New Statesman and Nation. Vol. 50. № 8. P. 447–448. URL: https://berlin.wolf.ox.ac.uk/published_works/singles/bib61.pdf (дата обращения 01.06.2024).

⁹ Ленин В.И. Памяти Герцена // Герцен А.И. Избранные философские сочинения. М.: ОГИЗ: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1940. С. III–VIII.

ал-демократии, то Белинский выполнял в большей степени подготовительную, вспомогательную роль, выступал в качестве кадении в гармонической структуре советского исторического нарратива. По мысли все того же Ленина, Белинский был «предшественником (курсив мой. – Д. Б.) полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении...»¹⁰. Критик, помимо его революционно-демократической ориентации, в трудах советских исследователей постепенно вбирал в себя перечень определенных функций, став, например, одним из видных выразителей интересов крестьян в николаевской России.

Так, на протяжении 1930–1950-х гг. в советской историографии методично складывался новый миф о «неистовом Виссарионе». Ответом на него стали труды американских историков, которые, как мы убедились, в подавляющем большинстве были устремлены к развенчанию этого мифа, однако могли выбирать различные траектории для достижения поставленной цели. При этом важно подчеркнуть, что споры разгорались скорее вокруг идейного бравирования Белинского, чем в отношении последующей рецепции его взглядов.

Сложно не согласиться с Исайей Берлиным, который относил конструирование «мифа о Белинском» ко второй половине XIX в. Кроме того, определенную почву для этого подготавливала мировоззренческая неопределенность самого Белинского. Она предоставляла широкий пул возможностей для прорастания совершенно различных трактовок его взглядов. Тот же Берлин, ставя перед собой задачу контекстуального погружения в идейную эволюцию Белинского, так или иначе не стал проводить деконструкцию мифической природы взглядов русского критика. Это же относится и к М.М. Карповичу, и М. Малиа, и Г. Боуману, которые, исходя из собственных установок, создавали свой прижизненный образ мыслителя, не вступая при этом на территорию последующего восприятия его идей – т. е. на ту территорию, где ковался тот самый «миф».

Таким образом, на примере В.Г. Белинского мы можем наблюдать особую коммуникацию между советскими и американскими историками, не лишённую внутридисциплинарных парадоксов. Историки по обе стороны океана, преследуя свои историографические и вместе с тем идеологические цели, находясь в специфических условиях функционирования социогуманитарного знания, далеко не всегда действовали «по методичке», а если все же и действовали, то это тем не менее не уберегало их от неожиданных и подчас противоречивых результатов.

¹⁰ Ленин В.И. Полное собр. соч. 5-е изд. Т. 25. М.: Изд-во политической литературы, 1969. С. 94.

Литература

- Бурсов 1948 – *Бурсов Б.* Плеханов и Белинский // Литературное наследство. Т. 55. В.Г. Белинский. М.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 86–116.
- Иллерицкий 1953 – *Иллерицкий В.Е.* Исторические взгляды В.Г. Белинского. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1953. 256 с.
- Карпович 2012 – *Карпович М.М.* Лекции по интеллектуальной истории России: (XVIII – начало XX века). М.: Русский путь, 2012. 350 с.
- Крылов 2011 – *Крылов В.Н.* Из истории формирования мифа о В.Г. Белинском // Вестник ТГГПУ. 2011. № 2. С. 194–201.
- Пыпин 1908 – *Пыпин А.Н.* Белинский, его жизнь и переписка. 2-е изд. СПб.: Колосъ, 1908. 662 с.
- Тихонова 2009 – *Тихонова Е.Ю.* Русские мыслители о В.Г. Белинском (вторая половина XIX – первая половина XX в.). М.: Совпадение, 2009. 326 с.
- Трибунский 2020 – *Трибунский П.А.* Последний проект Михаила Карповича // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2020. № 10. С. 363–392.
- Тюкачев 2013 – *Тюкачев Н.А.* Отечественная историография революционно-народнического движения 1860–1880-х годов: становление и эволюция: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2013.
- Malia 1965 – *Malia M.* Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism: 1812–1855. New York: Grosset & Dunlap, 1965. 556 p.

Социальная история советского общества

УДК 656.13+316(470)

ББК 39.33+60.56(2Р)

М.В. Катрушенков

Московский автомобильный завод в контексте конструирования «нового общества» (1928–1941 гг.)

В статье рассматриваются аспекты конструирования «нового общества» на Московском автомобильном заводе с конца 1920-х до 1941 г. Хронологические рамки обусловлены тем, что с 1928 г. началась масштабная реконструкция предприятия, а в 1941 г. закончился советский период индустриализации и началась военная история завода. В фокусе авторского внимания находятся вопросы доступности профтехобразования, культуры и спорта, развитие заводской инфраструктуры и жилья, широкой агитационной кампании и идеи соцсоревнования. Особое внимание уделяется взаимодействию с иностранными специалистами. Исследование опирается на впервые вводимые в научный оборот воспоминания рабочих завода из фонда Московского завода, выявленные в ЦГА г. Москвы, документы советского партийного деятеля Л.М. Кагановича из фонда РГАСПИ, а также материалы периодической печати.

Ключевые слова: Московский автомобильный завод, «новое общество», конструирование, индустриализация, ударничество, агитация, инфраструктура

Интерес к теме обусловлен возрастающим значением понимания и попыткой анализа истории конструирования «нового общества» в Советском Союзе [Раннесоветское общество 2018, с. 42]. В СССР предполагалось создать нового человека – всестороннюю и гармонично развитую личность. «Советский проект» подразумевал совокупность различных идей, среди которых был и «новый завод» – создания и модернизация промышленных гигантов, использования самых современных технологий для «нового советского человека». Этот проект должен был стать образцом лучшей жизни граждан СССР [Советский проект 2018, с. 71].

В.И. Ленин писал о том, что необходимо перевоспитать тех людей, которые были воспитаны капитализмом через дисциплину. «Новое общество» должно было быть построено на основе коммунистической морали и нравственности, исходя из интересов классовой борьбы, на основе борьбы с эксплуатацией и мелкой собственностью¹. А.В. Луначарский обосновывал это тем, что прошлые поколения воспитывались в хаотическом и акультурном капиталистическом обществе. «Новый советский человек» должен был жить в коллективе, и на первом плане у него должны быть государственные нужды и задачи мировой революции².

Московский автомобильный завод (АМО–ЗИС–ЗИЛ) являлся крупнейшим заводом автомобильной промышленности. За свой столетний период он трижды менял название: с 1916 по 1931 г. он назывался Автомобильное Машиностроительное общество, с 1931 по 1956 г. – завод имени И.В. Сталина, с 1956 по 2016 г. – завод имени И.А. Лихачева [Мазепа 2015, с. 26]. На примере этого флагмана отечественного автомобилестроения можно проследить процесс создания «нового общества». Многие аспекты его функционирования были тесно связаны с изменениями в повседневной жизни простых рабочих. Изучение в рамках отдельного учреждения (завода) изменений в быту, в области культуры, условий труда, в нравственных ориентирах позволит комплексно подойти к выявлению новых аспектов жизни советских рабочих. АМО–ЗИС, будучи крупнейшим предприятием страны, стал своеобразным полем для эксперимента по налаживанию новой общественной жизни. Важным становится то, что этот вопрос неразрывно связан с несколькими поколениями людей, которые стали частью социального эксперимента.

В 1920 г. при заводе была создана школа фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), в которую принимали молодежь с четырнадцатилетнего возраста с начальным уровнем образования. Первый выпуск состоялся в 1923 г. В 1932 г. был открыт Московский автомеханический вечерний техникум с одногодичными курсами обучения.

В соответствии с Постановлением Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах» на базе вышеназванных трудовых школ было создано Ремесленное училище № 1 при автозаводе, которое на основе семилетнего образования готовило специалистов для дальнейшей работы на предприятии³. Особенность этих учебных заведений заключалась в вертикальном движении кадров, обеспечивая социальный лифт. Таким образом, создавалась кадровая

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 41. М., 1967. С. 420–425.

² Луначарский А.В. О воспитании и образовании. М., 1976. С. 396–401.

³ Указ «О государственных трудовых резервах СССР» от 2 октября 1940 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 37. С. 3.

основа из людей, которые находились на полном государственном обеспечении, получали образование и опыт, прикреплялись к одному заводу.

Рабочий завода А.П. Бейлин на торжественном вечере в 1933 г. поделился своими воспоминаниями о том, как проходило его обучение рабочей специальности. Как он отмечает, когда в 1927 г. поступил в качестве стажера, положение было плохое. Ему не давали ответственную работу, не воспринимали как знающего человека. Однако в 1928 г. многое изменилось. Большое значение стала иметь инженерная школа, где царил дух изобретательства. Рабочие, у которых было профессиональное образование, выдвигались партийными кадрами на ответственные посты. Бейлин рассказывает о том, как он вначале стал помощником мастера, потом мастером, затем старшим мастером⁴.

В 1929 г. все чаще стала публиковаться информация о возрастающей роли соцсоревнований. Стремясь компенсировать нехватку средств на нужды индустриализации, руководство страны поддерживало в 1929 г. идею начала массового социалистического соревнования и ударничества [Грегори 2003, с. 21]. В статье, опубликованной по случаю двенадцатой годовщины Великого Октября, отмечается, что в одном только цехе имеется двадцать четыре ударные бригады, охватившие 70% всех рабочих цеха⁵.

Одной из направлений деятельности соцсоревнования была борьба с прогульщиками и опаздывающими. Комсомольцы ночевали на заводе, работали по две смены. Была установлена доска позора, на которой вывешивали информацию о рабочем-прогульщике, а зачастую даже в центре цеха ставили фигуру прогульщика и на нее вывешивали фамилию. Этот процесс создавал большой ажиотаж в цехах.

Работник кузовного отдела С.П. Белов на вечере воспоминаний 4 января 1933 г. рассказал о том, как в 1929 г. появилось ударничество. Он был одним из первых, кто агитировал за то, чтобы молодые кадры отделились в отдельную бригаду и начали работать по пять человек⁶.

Рабочий Василий Корытный рассказывает о том, как в 1931 г. действовала бригада ударников, которая активно занималась строительством нового завода. Группа, в которой он работал, делала упор на массовую мобилизацию строительных и монтажных рабочих для того, чтобы сдать объект в строй вовремя. Он вспоминал, как бригада монтажников взяла на себя обязательство смонтировать новые цеха к 1 мая 1931 г. Благодаря ударничеству, массовой работе бригада дала высокие показатели.

⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. Р-415. Оп. 16. Д. 6. Л. 1–6.

⁵ Ударники рапортуют заводскому парткомитету и завкому // Вагранка. 1929. № 38. С. 3.

⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. Р-415. Оп. 16. Д. 7. Л. 1–4.

Особое внимание он уделял саботажу инструментального цеха. Из-за некачественной работы пришлось много приспособлений делать кустарным способом, а отдел работал в выходные дни по три смены, чтобы не сорвать пуск завода⁷. Люди трудились с верой в прекрасное будущее, работая в несколько смен для улучшения жизни в стране, они приближали новую эру, в которую искренне верили. Своими подвигами они доказывали, что способны на большие перемены в жизни ради идеи.

Все активнее руководство завода выдвигало стахановцев на новые места, обеспечивая кадровый рост. Только за 1936 г. 138 человек получили новые должности с повышенным окладом. К примеру, П.И. Косоруков, который до этого работал шлифовальщиком за зарплату 300 рублей, теперь стал наладчиком с повышенным окладом 420 рублей⁸.

Для Политбюро ЦК ВКП(б) было важным наладить постоянное сотрудничество с иностранными специалистами, так как за границей многие отрасли активно развивались, когда в СССР требовалось создать техническую и производственную базу [Журавлев 2000, с. 4]. Особое преимущество в этом процессе имели специалисты из США и Германии.

В рамках этой политики АМО начинает активно сотрудничать с США, так как именно там автомобильная промышленность стала развиваться еще в 1890-е гг., а в 1920-е гг. компании Детройта стали крупными монополистами. Были подписаны соглашения с General Electric и фирмами «Форд» и «Брандт»⁹. Соглашения о командировке советских специалистов в США были особенно актуальны в 1930–1931 гг. За это время было совершено несколько официальных поездок директора АМО И.А. Лихачева, а также рабочих-специалистов на американские автомобильные заводы. Завод развивал контакты и с Берлином. К примеру, были соглашения с компанией «Geizmont und Follmer».

Рабочие, которые трудились по временным контрактам, обеспечивали завод рабочей силой. С целью контроля всех прибывающих на территории АМО велся особый Список учета иностранных рабочих и служащих. На момент 19 августа 1930 г. на заводе работало уже 22 человека¹⁰. С 1931 г. в подобных Списках появилась графа «семейное положение». В списке 1931 г. значились 16 сотрудников, и только у двух был статус «холост» и «без семьи». У большинства иностранных специалистов оставалось американское подданство, а их жены и дети были перевезены в СССР.

⁷ ЦГА г. Москвы. Ф. Р-415. Оп. 16. Д. 152. Л. 5–7.

⁸ Там же. Оп. 43. Д. 141. Л. 1–2.

⁹ Там же. Оп. 26. Д. 6. Л. 3.

¹⁰ Там же. Оп. 14. Д. 4. Л. 1.

Дети иностранных рабочих вначале получали образование в семилетней англо-американской школе по адресу: г. Москва, ул. Садовая-Спаская, д. 6. Известно, что на момент сентября 1932 г. в ней обучалось двенадцать детей в возрасте от семи до пятнадцати лет. По окончании этой школы они получали среднее образование и могли пройти трудовую школу подготовки заводских кадров¹¹.

Дальнейшие списки заметно отличаются от предыдущих. К примеру, на 1 июля 1932 г. количество рабочих составляло 85 человек. Здесь появляется первое изменение – подданство государства. 64 сотрудника оставались с иностранным гражданством, но уже пять рабочих приняли советское. В дальнейшем эта тенденция будет возрастать. Появляется информация о членстве в партии, среди которых семь человек были таковыми¹².

К 1933 г. в СССР начинается процесс сворачивания программы массового привлечения иностранных рабочих. Однако многие продолжали прибывать в Советский Союз по причине начинающихся притеснений коммунистов, социалистов и евреев в Германии и нестабильной экономической ситуации в других европейских странах.

К 1936 г. форма Списка учета иностранных рабочих и служащих вновь изменилась. Графы «семейное положение» здесь нет, однако пунктов стало больше. Сюда вошли следующие позиции: партийность, социальное происхождение, служба в армии, судимость, время перехода в советское подданство. Ранее такой строгой формы не существовало¹³.

К 1936 г. в ЗИС уже работало порядка 80 иностранных рабочих. Из-за Гражданской войны в СССР переехало большое число испанских беженцев. Некоторые из переселенцев и их детей работали на заводе. В Инструментальном корпусе трудились испанские рабочие с фамилиями Муниц и Лопес. Наиболее известным был Рубен Руис Ибаррури, будущий герой Советского Союза, погибший в боях под Сталинградом¹⁴.

Уделялось большое внимание агитационной работе среди строителей «новой жизни». Велась пропаганда здорового образа жизни, ликвидации безграмотности. Был разработан план работы, который предусматривал политзанятия, производственную и культмассовую работы. По решению завкома было принято решение о коллективном посещении театра, об организации кружков для изучения русского языка, участия в спорте (плавание в бассейне, зимние виды спорта).

¹¹ ЦГА г. Москвы. Ф. Р-415. Оп. 14. Д. 21. Л. 12.

¹² Там же. Оп. 14. Д. 22. Л. 1–14.

¹³ Там же. Оп. 14. Д. 29. Л. 1–16.

¹⁴ Испанцы на заводе ЗИЛ // АМО «ЗИЛ». URL: <https://amozil.ru/ispancy/> (дата обращения 22.04.2023).

Так, например, большое внимание руководство завода обращало на воспитание рабочей молодежи в спортивной сфере. В начале 1930 г. была создана футбольная команда «АМО» (1930–1932), «ЗИС» (1932–1936), которая с 1936 г. и по настоящее время известна под названием «Торпедо»¹⁵. Руководил командой С. Троицкий, в роли играющего тренера был В. Маслов.

Культурное развитие рабочих крупнейшего завода было тоже важной составляющей для создания «нового общества». В 1934 г. на общезаводском собрании было заявлено, что при ЗИС в Культурно-просветительском университете действует Большой театр, который был филиалом Академического театра на Театральной площади в Москве. В театр, который находился в непосредственной близости от завода, водили стахановцев, семьи с детьми, что рабочими было оценено положительно. В нем были созданы отдельные ложи для работников завода имени И.В. Сталина, завода имени Л.М. Кагановича в Люблино. Билеты можно было приобрести по сниженным ценам.

В театре ставились такие крупные постановки, как оперы А.П. Бородин «Князь Игорь», Н.А. Римского-Корсакова «Псковитянка», П.И. Чайковского «Мазепа», «Евгений Онегин», «Пиковая дама». Хореографы, выступающие на собрании, считали, что рабочие должны приобщаться к богатой русской культуре, которая формировалась несколько столетий, а театр способен показать основные этапы жизни страны и ее народа¹⁶.

В 1934 г. при заводе была организована своя хореографическая академия, куда принимали девочек до 9 лет, а мальчиков до 11 лет. В 1936 г. был организован самодеятельный оркестр русских народных инструментов, руководимый дирижером Е.В. Гуляевым. К 1937 г. было построено здание Дворца культуры на территории бывшего Симонова монастыря. В 1937 г. открыта своя детская театральная студия, известная в настоящее время как Драматический театр имени С.Л. Штейна и студия изобразительного искусства. В 1939 г. из рабочей молодежи завода был создан хор русской народной песни, который приобрел широкую популярность среди жителей района.

Рабочие участвовали в обсуждении актуальной общественно-политической жизни районного и всесоюзного значения. Например, одним из главных событий на заводе в 1929 г. была агитация за участие в выборах депутатов Моссовета и совет Рогожско-Симоновского района. В статье заводской газеты говорится об избранном депутате А.В. Соколове, который слабо участвовал в работе парламента и ред-

¹⁵ Улица Автозаводская: Фотопутеводитель. Ч. 3 // Москва. Южный округ. Краеведение. URL: http://moskva-yug.ucoz.ru/publ/ulica_avtozavodskaja_chast_3/8-1-0-201 (дата обращения 21.03.2023).

¹⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. Р-415. Оп. 2. Д. 317. Л. 77–93.

ко посещал пленарные заседания; «будучи членом жилищной секции Моссовета активность не проявлял; из семнадцати пленумов посетил только пять»¹⁷.

Была раскритикована деятельность и других членов райсовета А.А. Чурилова и Бударина. И только депутат В.А. Каргузов, избранный заводом в торгово-кооперативной секции, «работал хорошо»¹⁸. Несомненно, что некоторые решения, одобренные рабочими на партийных собраниях, принимались еще до собрания заводским партийным комитетом. Однако факт участия рабочих в жизни страны объединял их, давал возможность проявить инициативу и почувствовать себя творцом, от решения которого напрямую зависело будущее страны и его народа.

Политика руководства завода с конца 1920-х гг. вплоть до 1941 г. сводилась к формированию позитивного образа предприятия среди народных масс – через созданную заводскую газету «Вагранка». На ее страницах рабочий мог поделиться своими идеями, оставить жалобы и предложения по улучшению условий труда и быта.

Советская концепция «нового общества» закладывала основу для формирования в каждом чувства общности и сопричастности к жизни социалистического государства. У него формировалось основное чувство – ответственности. Притом что это соединялось с другим качеством, присущим советскому образу жизни – коллективизмом.

С начала 1930-х гг. завод позиционировался как один из лучших в вопросах создания современной инфраструктуры, строительства жилых кварталов, поликлиник, детских садов, дома культуры. Территория застройки жилья для рабочих завода была местом для проведения различных архитектурных экспериментов, в ходе которого решался вопрос, из какого материала строить качественнее, быстрее и дешевле. Дома были каменные, деревянные и фибролитовые. Временное жилье не отвечало санитарным нормам. К примеру, зачастую печи занимали 25% комнаты, а скверное качество перекрытий делало опасным любое передвижение по комнате.

Например, рабочий В.А. Ломейко из отдела технического контроля говорил о том, что при строительстве временных домов и при возведении первых каменных явно не считались с мнением геодезистов. Дома стояли на глиняной почве в низине, в районе Кожухово, несмотря на то, что недалеко от места стройки находились хорошие участки. Он рассказывал историю, как он, живя в фибролитовом доме, бук-

¹⁷ Моссовет о работе наших депутатов // Вагранка. 1929. № 4 (85). С. 1.

¹⁸ Там же.

вально через две недели почувствовал движение в доме, форточки не закрывались, полы рассохлись.

Рабочий цеха норм Т.И. Ханалайнен утверждал, что поселок строили без предварительного плана, а дома «содержатся без удобств и надлежащего качества». После написания жителями жалобы в газету «Известия» к жителям приехала комиссия с проверкой. Затем прибыл директор завода, коммунальные работники, которые пытались выяснить, кто написал письмо в редакцию, а местные районные власти не решали их проблему, так как не понимали, к какому району Москворецкому или Пролетарскому относится стройка¹⁹.

Генеральный план г. Москвы с развитой сетью дорожных магистралей и новых площадей должен был показать достижения трудового человека в СССР. Поэтому к строительству корпусов завода привлекались ведущие архитекторы, среди которых братья А.А., В.А. и Л.А. Веснины, М.Я. Гинзбург, А.С. Фисенко, И.В. Жолтовский и другие²⁰. Многие здания, создаваемые в стиле конструктивизма, модернизма и авангарда, получили свое практическое воплощение на главной магистрали южной окраины Москвы. Таким образом, формировался архитектурный образ первого в мире социалистического государства, которое строили рабочие, будучи главным социальным слоем общества.

Стиль заводских корпусов и новых домов должен был стать ярким примером для стремительно меняющейся инфраструктуры [Меерович 2018]. Однако в вопросе доступа к качественному жилью возникали трудности. Известно, что один из первых каменных домов-коммун на улице Велозаводской в Москве возводили преимущественно для руководства завода, а рабочие завода жили на окраине города в экспериментальных домах и бараках.

Таким образом, строительство «нового завода» можно считать частью масштабной работы по формированию менталитета советского рабочего. Доступность образования, ликвидация безграмотности, изменение быта, культурное и спортивное развитие, ощущение ответственности за труд и достижения завода, вклад в принятие важных политических решений стали важными чертами процесса конструирования «нового человека».

¹⁹ Как не нужно строить // Строительство Москвы. 1937. № 8. С. 5–10.

²⁰ Попов Е. Архитектура фабрично-заводского комплекса // Архитектура СССР. 1939. № 10. С. 31–35.

Литература

- Грегори 2003 – *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003. 255 с.
- Журавлев 2000 – *Журавлев С.В.* «Маленькие люди» и «большая история». Иностранцы московского Электростроительного завода в советском обществе 1920–1930-х годов. М., 2000. 352 с.
- Мазепина 2015 – *Мазепина В.Г.* Музей истории Автомобильного московского общества «Автомобильный завод им. И.А. Лихачева». М., 2015. 296 с.
- Меерович 2018 – *Меерович М.Г.* СССР как мегапроект // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации. Екатеринбург, 2018. С. 28–40.
- Раннесоветское общество 2018 – Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг. Ч. 2. Екатеринбург, 2018. 459 с.
- Советский проект 2018 – Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации. Екатеринбург, 2018. 558 с.

Abstracts

Elizaveta A. Starostina

Reflection of the American-Mexican war of 1846–1848
in the mexican liberal press

The article deals with the problem of perception of the Mexican-American war of 1846–1848 by the Liberal Party of Mexico on the basis of periodical materials. In the 1840s, various political factions began to actively use the press as a tool for forming the “right” public opinion among the reading public due to the increase in internal conflicts and the emergence of danger from conservatives, as well as, what should not be excluded, the accumulation of experience in communicating with the electorate, starting in the 1820s. In this regard, the war of 1847 became one of the topics covered in most of the newspapers studied are not only because of the need to consolidate society, but also to have some kind of “leverage” on the government if it does not meet the needs of the population and meet its expectations. The topics discussed in the press can be divided into two directions: coverage of the problems faced by the Mexican army from the point of view of an independent, i.e. non-governmental, side, as well as propaganda with the subsequent formation of the image of an enemy soldier and, conversely, the ideal a true patriot of his country. Criticism of the quality and quantity of weapons also occupies a special place, which was explained by the deep economic crisis in which Mexico has been for a long time. In addition to analyzing the above elements, the paper considers the problem of the true location of the war 1847 and its importance in the politics of liberal figures based on the press.

Keywords: Mexico, Mexican-American war, press, image of the enemy

Vadim K. Musin

Chilean interpretation of “Political”:
Diego Portales and Augusto Pinochet

The article analyzes the understanding of politics and the concept of the political by two important representatives of the Chilean conservative movement of the 19th and 20th centuries. Diego Portales was a publicist and statesman, the author of the Constitution of 1833, the founder of the “Portales Era” in Chile. Augusto Pinochet was the leader of the 1973 military coup, the head of the Government Junta from 1973 to 1981, the President of Chile from 1981 to 1990. Under his rule a new constitution was adopted in 1980.

The analysis and disclosure of their ideas about politics and the concept of the political expands the framework of the political history of Chile, the history of political thought and the political processes in the country in the 19th and 20th centuries. The source of the study consists of personal letters by Portales and Pinochet's book "Politics, Politicking, Demagoguery". Based on these sources, conclusions are drawn regarding the political views of two historical figures. Portales believed that politics should be the work of a small group of highly moral individuals whose goal is to improve the general morality of society. He also highlights the "state of emergency" as a unique situation in which the existing legislative framework ceases to work and new measures are created thanks to the suzerain. Pinochet complemented this philosophy and divided the space of politics into three levels: "politics", "politicking" and "demagoguery". Each level has its own participants pursuing specific objectives. Mobility is possible between these levels. The most appropriate level for the development of the country and society is the level of "politics", where the most worthy representatives of the Chilean nation are located.

Keywords: Political history, Chile, Diego Portales, Augusto Pinochet, politics, the concept of the political

Veniamin Yu. Lyapin

Chico Buarqui's musical work as a marker of the post-1968 era in Brazil: trauma, apathy and the disavowal of regime mythology

The years 1964–1968 were marked by a gradual confrontation between the newly established military regime and society, in this process also participated popular music scene, represented in the "Festivals of Brazilian popular music". By the year 1968 thousands of people took part in the oppositional demonstrations, while in the Festivals were sung the songs that encouraged guerrilha against the regime. Because of that the government was forced to establish control by enacting Institutional Act number 5 in the December of 1968. Many of the musicians were exiled or compelled to leave the country, including Chico Buarque, who came back in 1970 and saw a sociopolitical reality that was completely new to the previous one. During the so-called "Years of Lead" (that lasted from 1969 to 1974), he recorded various compositions critiquing the established order of things. This article focuses on analysis of the compositions *Apesar de Você* (1970), *Construção* (1971) and *Cálice* (1974) with the main objective to identify author's perception and understanding of the military regime and sociopolitical reality that established in Brazil after 1968.

Keywords: Brazil, history, Chico Buarque, popular music, trauma, military dictatorship, "global 1968"

Almeira Gil T.

Youth and the roots of the emergence
of Argentine rock in the 1960s

The article analyzes the first phase of Argentine rock and the emergence of such a concept as “youth” as a social subject. “Argentine” or “native” rock, as it is known today in Argentina, emerged as an expression of youth movements during the global transformations that profoundly affected the world community between 1960 and 1970. Rock gained prominence in Argentine popular music and became a prime example of the juvenilization of popular culture. This musical style emerged as a symbiosis between the modernization process and youth as a social subject. National rock emerged as a mode of cultural expression created by young people in defiance of the dominant patterns of society. At the same time, this musical trend has become a model of identity for young Argentines, based on the realization that they are part of the same life experience.

Keywords: history, Argentina, music, mass culture, cultural revolution, generational conflict, modernization, juvenilization

Anna V. Ivanchenko

Satirical images on Easter and Christmas
postcards of the first world war

The article examines aspects of the visual representation of the First World War on Easter and Christmas postcards from the point of view of the “visual oxymoron” first used by O.A. Volkova regarding Soviet greeting cards. The author’s focus is on the image of the front and rear in the form of satirical images, which contributes to the formation of several planes of meaning and the recoding of symbols. The article uses exclusively attributed Easter and Christmas postcards contained in the Museum Fund of the Russian Federation and the National Library Fund. Links to postcards are designed in accordance with the system in which they are contained: museum and library. The author comes to the conclusion that the Easter and Christmas postcards of the First World War demonstrate the phenomenon of “visual oxymoron”, since the images on them represent a combination of meaning systems that are logically mutually exclusive.

Keywords: First World War, postcards, Easter, Christmas, satirical image, front, rear

Ekaterina A. Kutsenko

“It is necessary, my dear, to gather strength and do a necessary and useful thing”: letters of A.I. Andreev to A.N. Speransky on diplomatic issues

Alexander Ignatievich Andreev got acquainted with diplomatics in his university years – in the seminary of Alexander Sergeevich Lappo-Danilevsky, a prominent diplomatist, editor of historical documents and founder of the methodology of historical science in Russia. After the death of his teacher, A.I. Andreev continued to work in the field of act source studies, but in the mid-1920s he completely switched his attention to editing of historical documents, working in the Permanent Historical Commission. In correspondence with Professor of the Moscow State Historical and Archival Institute Alexander Nikolaevich Speransky, the St. Petersburg scientist, almost twenty years later, touches on topics related to diplomatics. A.I. Andreev’s keen interest in the scientific discipline, which he stopped studying, has not subsided. This is reflected in the letters, which provides new factual material for studying not only the epistolary heritage of A.I. Andreev and A.N. Speransky, but also the position of historical science in the mid-1930s. In addition, A.I. Andreev’s letters to A.N. Speransky add new details to the portraits of the two scientists and their relationship.

Keywords: A.I. Andreev, A.N. Speransky, letters, diplomatics, editing of historical documents

Daniil A. Baklanov

V.G. Belinsky in the views of American-Russian historians in the late 1940s – early 1960s: the myth within the myth?

The paper is dedicated to the works of American-Russian scholars about outstanding Russian thinker and literary critic V.G. Belinsky. The author conducts a comprehensive analysis of the interpretations of American historians of the late 1940s – early 1960s in the context of the ideological confrontation during the Cold War, closely intertwined with the interpretation of the intellectual legacy of the “furious Vissarion” in Soviet historiography. There are similar points and fundamental differences between Soviet and American scholars in their views on the place of V.G. Belinsky in the development of socio-political thought and revolutionary ideas in Russia in the second half of the XIX – early XX century. Particular attention is focused on the problem of periodization of the in-

tellectual biography of the Russian critic and the structural features of the so-called “Belinsky myth”. In addition, differences in the interpretations of American historians (I. Berlin, M. Karpovich, H. Bowman, M. Malia etc.) are revealed, due to both the research goals of each of them and deeper conceptual constructions.

Keywords: V.G. Belinsky, American-Russian studies, intellectual history, Soviet historiography, I. Berlin, M.M. Karpovich

Mark V. Katrushenkov

Moscow Automobile Plant in the context
of construction of the “new society” (1928–1941)

The article examines aspects of the construction of a “new society” at the Moscow Automobile Plant from the late 1920s to 1941. The chronological framework is due to the fact that in 1928 a large-scale reconstruction of the enterprise began, and in 1941 the Soviet period of industrialization ended and the war began history of the plant. The author’s focus is on issues of accessibility to vocational education, culture and sports, the development of factory infrastructure and housing, a broad propaganda campaign and the idea of social competition. Particular attention is paid to interaction with foreign specialists. Archival documents with the memoirs of plant workers from the collection of the Moscow plant in the Central State Administration of Moscow, documents of the Soviet party leader L.M. Kaganovich from the RGASPI fund, as well as materials from periodicals were introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Moscow Automobile Plant, “new society”, design, industrialization, shock work, agitation, infrastructure

Сведения об авторах

Альмейра Хиль Тэо, студент исторического факультета, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; teoalmeyrakil@gmail.com

Бакланов Даниил Антонович, магистрант исторического факультета, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; bdaniil.01@mail.ru

Иванченко Анна Владимировна, магистрант исторического факультета, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; anna.ivanchenko.2021@mail.ru

Катрушенков Марк Владимирович, магистрант исторического факультета, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; pavl764@mail.ru

Косиченко Иван Никитович, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Учебно-научный мезоамериканский центр им. Ю.В. Кнорозова, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; ivan.kosichenko@gmail.com

Куценко Екатерина Александровна, студент факультета архивоведения и документоведения, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; исполняющий обязанности младшего научного сотрудника, отдел комплектования, Архив РАН; katekutsenko@yandex.ru

Ляпин Вениамин Юрьевич, студент исторического факультета, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; vyulyarin@gmail.com

Мусин Вадим Кириллович, магистрант исторического факультета, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; vadimusin@rambler.ru

Старостина Елизавета Алексеевна, студент исторического факультета, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; starostina_elizabet@mail.ru

Data about the authors

Almeira Gil T., student, Faculty of History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, teoalmeyragil@gmail.com

Baklanov Daniil A., master's degree student, Faculty of History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, bdaniil.01@mail.ru

Ivanchenko Anna V., master's degree student, Faculty of History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, anna.ivanchenko.2021@mail.ru

Katrushenkov Mark V., master's degree student, Faculty of History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, pavl764@mail.ru

Kosichenko Ivan N., Cand. of Sci. (History), senior lecturer, Yuri Knorozov Center for Mesoamerican studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; ivan.kosichenko@gmail.com

Kutsenko Ekaterina A., student, Faculty of Archival and Documentary Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; acting junior researcher, Acquisition Department, Archive of the Russian Academy of Sciences, katekutsenko@yandex.ru

Lyapin Veniamin Yu., student, Faculty of History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, vyulyapin@gmail.com

Musin Vadim K., master's degree student, Faculty of History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, vadimusin@rambler.ru

Starostina Elizaveta A., student, Faculty of History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, starostina_elizabet@mail.ru

Корректор *О.К. Юрьев*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Электронная версия издания
gumakcentrggu.ru

Уч.-изд. л. 6,0.
Заказ № 2025

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru